

АНДРЕЙ КОННОВ

ИДОЛ

ЭКСКУРСИЯ ПО МЕСТАМ ВЕЧНОСТИ

18+

Андрей Коннов

Идол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70466305

SelfPub; 2024

Аннотация

В результате поломки экскурсионного автобуса, герои оказываются у заброшенного завода, имеющего в округе дурную славу...

Андрей Коннов

Идол

ПРОЛОГ. СЕСТРЫ

Бывшая заводская территория. Огромная зала, где сквозь раскатистые окна лучи солнца утыкаются в припорошенные пылью бетонные плиты. Среде зала, на трех стульях, сидят три сестры. Длинные черные волосы плашмя лежат на их шеях – в прядях запрятались комки грязи, которые уже затвердели. Сестры одеты в серые лохмотья, полные порезов и кровотечений ноги оголены и обтянуты тонким слоем целлофана. Их исцарапанные руки, словно вытянутые дуги, привязаны сзади веревками об спинки стульев. Лицо Третьей сестры залеплено скотчем – кожа под ним покрылась волдырями и вспучилась. Лица двух других сестер открыты, их красные щеки, преполные ссадин и порезов сильно бросаются в глаза. Лица трех сестер смотрят вниз. Они что-то бубнят про себя, невзрачное и явно злое.

Неожиданно, во входной арке мелькает темная фигура человека. Сестры моментально оборачивают свои лица в сторону арки. Их губы напряглись, а на лицах выступил пот. Они заговорили вслух, громко и разборчиво, тяжелым и лязгающим голосом, переполненным ненавистью и злобой.

– Кто прошел сквозь арку эту! Кто прошел по литому огню! Кто пробежал через века тенью, не оставшись самим собой! Кто ушел, не попрощавшись, отливая слезы в коте-

лок, разжигая сильно дикий и неподконтрольный огонек! Кто попрал добро силой, открывая дверцу злу, разметая хаос дивный, венчавшись с демоном косою, у алтаря восьмиконечного, среди серых стен, среди былых руин. Где монстры со всей вселенной с раскатом грома у дома упырей, собрались во есть едино, славя новый век во тьме!

После этой броской фразы, из ртов трех сестер пошли потоки крови. Они стали захлебываться ею, корчась от дикой боли внутри, извиваясь, будто бы змеи на стульях. Третья сестра начала биться в конвульсиях, – кровь под скотчем затопила ее лицо, и в результате образовалась темная багровая личина, с черной прядью грязных волос. Через несколько минут, Третья сестра перестала двигаться. Ее тело в безобразной позе застыло на стуле. Две других сестры продолжали выплевывать сгустки крови на бетонный пол. Впрочем, скоро и они приняли статичные позы, будто бы затаившись в ожидании чего-то сакрального и желанного.

ГЛАВА I. ЗАВЕТЫ МЕРТВОГО БОГАТЫРЯ

Тонкий ручеек дороги, словно вена на теле человека, петляет между холмами, превращаясь то в забавные узелки, то в острые повороты. По обеим сторонам дороги бескрайний ковер ядовито яркого зеленого цвета. Временами даже кажется, что травы нет, а вместо нее сплошная заливка. Редкие лесополосы громоздятся на заливке, напоминая издали грозных монстров, наблюдающих за дорогой. Почти бесконечный зеленый ковер пререзает мелкая речушка, еле за-

метная, скромная и почти живая. Пересыхая, речушка высвобождает территорию, на которой обнажились останки чудовищ всех мастей. Их остовы хаотично раскиданы по еще мокрой от воды земле, играя с ветром тихую и зловещую мелодию. Время от времени, на зеленом ковре появляется он – Мертвый богатырь. На вид 40—45 лет. Высокий, облаченный в латы, с рваным красным плащом. На коленках, в ножнах, размещаются кинжалы разных форм и размеров. На ремне висят головы противников с торчащими кусками мечей. На шею нацеплено ожерелье, состоящее из больших змеиных колец, оживающих по приказу богатыря. Сморщенное лицо с огромным количеством впадин, бледное, глаз нет (вместо них одна чернота), длинные седые волосы, на чьих кончиках барахтаются огненные шарики. В руках – роскошный меч, острый, отражающий солнце, разрезающий воздух на части, что его ломтики сыплются на землю, прорастая травой черного цвета. Если он увидит транспорт на дороге, знайте – впереди ожидает ловушка! А пока, Мертвый богатырь величаво шагает по полю, это его территория, его земля, здесь правят бал его законы.

И вот, по узкой асфальтированной дороге резво мчится экскурсионный автобус фирмы «Мисса». Пункт назначения автобуса – маленький городок Озерск, знаменитый на всю округу бальнеологическими курортами. Перед Озерском, автобусу предстоит препятствие в виде «Парового городка», мрачной и бывшей заводской территории, где ко-

гда-то гремела жизнь. Теперь же, здесь обитает меланхолия, жуткие мысли и непостижимый ужас, соседствующие на пару с убитой временем дорогой. Из-за этого весь транспорт жметя к обочине, где незадачливых путников уже ожидает Мертвый богатырь. Потом от жертв его проделок не остается и следа. В довесок, ходят легенды, что где-то в глубине завода живет дьявол, поедающий людей частями.

«Паровой городок» – это не просто завод; это целый город, на территории которого помимо самих цехов были общежития, больничные и питейные заведения и даже пара футбольных полей. На нем трудилось порядка десятка тысяч человек. В свое время, бандиты там закапывали живьем своих конкурентов. Готы устраивают в городке шабаш, сектанты приобщаются к культуре Сатаны, а любящие острых ощущений фотографы и их модели, рискуя жизнями, без всякой тени сомнения лезут к черту на рога. Даже старая остановка общественного транспорта сохранилась! Полгода на ней болталось тело висельника, пока таинственным образом оно куда-то не исчезло. Поговаривают, что висельник сам снялся и ушел. Разумеется, что это байка. Но, колорит местности заставляет представлять иное...

***

В автобусе двадцать пять человек. Разные типажи, судьбы, манеры. Вот, сидит кочан волос и морщин, больше похожий на старый, гниющий помидор. Точнее сказать, это женщина, на вид ей явно за шестьдесят. Ее арктическое тулови-

ще на пару с лицом вурдалака заставляет питать очевидные «нежные» чувства и желание занять монтировку – мало ли, спросит чего, да со страху ноги двинешь. Рядом с ней сидит, судя по всему, ее муж. Полная противоположность: субтильный, с наглухо закрытым лицом кепкой большего размера, чем его голова. Скрюченный, сдавленный телом своей жены, муж глядел в окно, посасывая карамельки. На его руках следы от цветных карандашей, губы все потрескавшиеся, а из карманов торчат игрушечные солдатики. Для большего колорита, ему недостает соски да слюнявчика, однако, над ним, на полке, лежит гигантских размеров сумка, где, думается, уж трехколесный велосипед под него быть должен! Эту милую пару зовут Аделина Львовна и Петрусечка. История их взаимоотношений тема отдельного рассказа.

Перед ними сидят двое молодых людей. Яркие, одетые с иголочки, на вид лет двадцать. Смотрят по планшету ужастик, жуют орешки, время от времени поглядывают на часы и надеются встретить в Озерске красивых девушек, которых они бы потом забрали с собой. Творческие люди, мечтатели, один из них совершенно точно художник, второй певец. Одного родители нарекли Антоном, другого Иваном.

Тщетно ребята пробовали заговорить с троицей девушек, сидящих в соседнем ряду. Эти девушки – сестры. Света, Марта и Яна Полосковы. Старшая Света – брюнетка, метр шестьдесят кипучей страсти и эмоций, брошенная на произвол судьбы молодым человеком и страдающая из-за этого. Ее

средняя сестричка, Марта, склонна поддерживать Свету, постоянно причитая проклятия в адрес Генки-кобеля. Марта стрижется коротко, очень стесняется своего угловатого лица и большого разреза глаз, хотя вот самая младшая сестра, Яна, находит в этом предмет сексуального привлечения парней. Янка самая отвязная. Ей ничего не стоит каблуком пройтись парню его святое место, а потом иронично издеваться над ним, рассказывая, как прекрасно причинять боль. Иногда, кажется, что Яна взята с улицы, словно брошенный котенок, ей недостает ласки, заботы и одновременно перстней и дубины в руках.

– Да задушить его и дело с концом, – сказала Яна про Генку, – Я прям хочу! Свет, разреши, а!

Антон и Иван пробовали подступиться к сестрам с разных сторон. И, если Света еще смотрела в их сторону, а Марта даже иногда отвечала на их вопросы, то Янка, причмокивая жвачкой, корчила явно идиотические гримасы, нарочно выставляя себя на посмешище. Впрочем, Ивану это даже нравилось. Янка на него всеми граблями, а Иван лишь улыбку до ушей натягивает, да с новой силой «атакует».

– В современных автобусах фанерные кресла, которые больше похожи на современных мужиков – на них чуть надавишь, сразу рассыпаются.словно, безропотные куски мяса! – язвила Яна, стараясь разозлить парней.

– Чтобы вы без нас, фанер, делали! – в ответ улыбался Иван.

– Уж нашли себе занятие, – фыркнула Марта, наступив Яне на ногу и пригрозив кулаком, – Ты, это, давай завязывай! Мы что делаем? Свету выводим из депрессии. Свету, сестричку нашу, а не себя!

– Нужна помощь? – вновь врезался в пространство Марты и Яны Иван, – Я специалист в области психологии.

– И много людей ты вылечил? – Яна подседа поближе к Ивану, вопреки грозному взгляду Марты, – Нашу сестру бросил парень, она мало говорит. Мы ее везем развеяться, арт-терапия, понимаешь же?

– Странно все это... Тут клин клином вышибает. Ей бы резко влюбится! – перебил Яну Иван, но, кажется, ей это понравилось.

Иван притянул за шиворот Антона, показывая пальцем на грустящую Свету. Антон показал жестами рук, что ему не хочется с ней общаться. На парня тут же «набросились» свирепые взгляды Ивана и Яны, разбавленные доверительным кивком Марты. У последней, на лице четко было написано: «Сунешься, придушу!»

– Не дрейф, сам же хотел девушку! – на весь автобус сказал Иван, заставив Антона покраснеть, – Гляди, какой вариант грустит! Хватай, пока я не забрал!

В дело вмешивается Аделина Львовна. Повернув свой корпус, Аделина Львовна смяла в состояние зародыша половину сидящих в автобусе. Женщина смотрела сквозь заплывшие жиром глаза. Она казалась демоном воплоти, ее

лязгающее по воздуху лицо переливалось складками, сотрясая пространство.

– Хватит галдеть! Мешаете! Голова болит от ваших слов! – возмущенно скрипела Аделина Львовна, – Сидят и бу-бу-бу-бу, без конца!

– Бабушка! Да вы успокойтесь! – сказал Иван без тени сомнения, что его фраза уйдет в потоке милого и хорошего диалога.

– Бабушка!? Я бабушка? – Аделина Львовна прильнула к Ивану, положив на него свою большую руку. Парень вжался в себя, осознав, что рядом гроза, – Грубиян! Кто тебя воспитал? Как твое имя? Кто твои родители? Я хочу знать все об этих иродах проклятых, что родили тебя на свет!

– Простите, но вы шумите больше, чем мы все взятые, – тихо промолвил Антон, протянув Аделине Львовне несколько конфет.

– Не смей мне перечить! Я тут главная! Я! Мое пространство! Моя территория! Слушать меня! – Аделина Львовна кричала, что есть мочи. Пассажиры возмущенно смотрели на нее, водитель и экскурсовод, милая Анечка Покровская, с четким каре и выделяющимся бровями, попробовали утихомирить разбушевавшуюся пассажирку. Но все попытки разбивались об вертикально выстроенную схему агонии Аделины Львовны: много слов не попадало, частые взмахи руками, брызги слюны и прямые, явные угрозы в адрес Антона, ставшего невольной жертвой просто потому, что протя-

нул ей конфетки.

– Так, а ну хватит! – не удержался Павел Борисович, мужчина лет пятидесяти, в джинсовом костюме и легкой бородкой, увенчанной бантиком красного цвета, – Я сижу в самом хвосте автобуса, но хлыст вашего гнева жалит даже здесь!

Аделина Львовна повернулась к Павлу Борисовичу, попробовала встать, но ее тушка не захотела покидать насиженного места. Притянув Петрусечку к себе, женщина приказала толкать ее. Петрусечка пытался изо всех сил, но, оказался не в состоянии вытолкать любимую жену из кресла.

– Баба! Баба ты, не мужик! – Аделина Львовна своей могучей рукой схватила голову Петрусечки и начала ее мотать, – Расхлябанный кусок мяса! Фанера, за которую я вышла замуж!

– О! Мои слова используйте! – визгнула Яна, – Так держать! Бейте Петрусечку, бейте!

Впрочем, начавшийся конфликт очень быстро погас. Сперва, Света и Марта треснули по лбу Янке, недвусмысленно дав понять, что нехорошо подливать масла в огонь. Аделина Львовна неожиданно громко заплакала, чем еще больше вызвала недовольства у остальной части пассажиров. Лишь Анечка Покровская, с улыбкой до ушей, попробовала разрядить обстановку.

– Мы проезжаем мимо Парового городка! Хотите, расскажу его историю? Она такая занятная и захватывающая! – звонким голосом говорила Покровская.

Кажется, в автобусе образовалась идиллия. Пасторальное молчание, бывшее лейтмотивом в последние полчаса поездки, сменилось легким флиртом Аделины Львовны с сознанием пассажиров автобуса, перетекшим в резкий переход (или это такой внезапный жизненный твист?) к экскурсионной части. Мрачный Паровой городок спас весь автобус от заплывшего жиром гнева, как бы это иронично не звучало. Так думали экскурсанты. Но, так не думал Мертвый богатырь. Стоя далеко, в поле, богатырь поднял кусок земли, чьи комки начали произвольно отщепляться, и зависать в воздухе. Как только образовался последний комок, рука Мертвого богатыря начала стыковать их вместе. В итоге получился скрюченный мертвец по имени Афраний, с торчащими ребрами. Афраний держал в руках лук и стрелы. Посмотрев на богатыря, Афраний натянул стрелу на тетиву и прицельным выстрелом отправил ее в сторону дороги. Стрела летела быстрее скорости света, разрезая этот бранный мир пополам. Ее наконечник вонзился в колесо автобуса, сделав роскошную дырку. Как результат, поток воздуха в купе с протяжным воем колеса заставили водителя автобуса, Петра Аркадьевича, съехать на обочину. Плотный столб пыли от обочины окутал автобус со всех сторон. Спустя пару минут, он развеялся. Перед героями предстала старая остановка. Будучи возведенной в шершавые годы, остановка постепенно валилась на бок. С нее сползала краска, в прохудившуюся крышу неуютно заглядывали тучи, закрывающие молочного цвета

облака и солнце. На стене остановки много страшных слов вроде «смерть», «умри», «жизнь кончилась давным-давно, все вокруг иллюзия» – плоды творчества местной интеллигенции Озерска, которая от провинциального отчаяния выражается, как может, загребая к рукам даже индустриальных призраков, оставшихся не удел из-за смены эпох.

– Экскурсия перестает быть томной, – буркнула Яна, смотря на остановку и ее надписи.

Напротив остановки массивная арка, сложенная из мелкого кирпича. На самом верху висит одна буква «П» синего цвета. Очевидно, что когда-то здесь было название завода и история берет свое, унося в пучину времен даже буквы. По обе стороны от арки высокий забор с колючей проволокой, уходящий вдаль, что не видно его границ. На заборе большими буквами написано: «ЗДЕСЬ ОБИТЕЛЬ ДЬЯВОЛА» и страшная морда следом. Снизу еще красной краской все обмазано. Хотя, может это чья-то кровь, кто его знает?

В арке, на ветру колышется одна створка от ворот – вторая открыта, будто бы здесь кого-то ждут. За аркой скрываются целый заводской комплекс, со всей апокалиптической атрибутикой: выбитые стекла, гуляющие по ветру двери, много разрушений и строительного мусора.

– Озерский Паровой Завод! – неуверенно сказала Покровская.

– Входит в стоимость экскурсии? Я за вход платить не буду! – с укоризной спросил Павел Борисович.

Петр Аркадьевич подивился стреле в чистом поле. Экскурсанты попытались определить случившееся как чью-то злую шутку. Потом, юный Юрий Стрелковский предположил, что дело в самой экскурсии.

– Это, наверное, такое дополнение, да? Чтобы мы подольше с вами пробыли, денег выложили за покупку сувениров. Там же, на заводе, наверняка полно магазинчиков, да? – приставал Юрий к Ане Покровской, на которой не было лица. Девушка думала, как же быть. Ибо было над чем: сотовая связь в районе не ловит, интернет тоже. Фактически, герои остались отрезанными от цивилизации. Ну, разве что попытаться кого-то поймать на дороге. Но, место, где стоял автобус, находится на пригорке. С него отлично просматривается округа, дорога в том числе. Ни в одну, ни в другую сторону не проехала ни одна машина. И это за полчаса простоя! Это интересно, особенно, учитывая тот факт, что другого пути из Озерска нет – город связан с федеральной трассой дорогой через Паровой городок.

– Либо там люди все вымерли, либо мы попали в другой мир, – иронизировал Иван, заметив, что экскурсанты не поняли юмора его высказывания.

Впрочем, трагедии так таковой не случилось. Запаска была, так что нужно просто постараться ее заменить. Пожелавших помочь Петру Аркадьевичу оказалось много, и процесс пошел довольно стремительно. Остальные же, чтобы не скушать, решили допытаться до Покровской на предмет легкой

прогулки по заводу.

– Нет, нет и нет! – кричала Аня, стоя вдалеке, окидывая возмущенным взглядом толпу, – У нас нет в списке посещаемых объектов Парового городка!

– Они колесо могут менять целую вечность! Мы не пойдем далеко, просто побродим рядышком. Что нам еще делать? Интернета нет, связи нет! – сокрушались экскурсанты, стараясь надавать на Покровскую.

– Мы за то, чтобы остаться здесь! – к Ане присоединились Кирилл и Маша, муж и жена, в одинаковых пестрых костюмах и цвета волос.

– Разве не слышали, что на заводе творится чертовщина какая-то! – кричал Кирилл, – Там людей убивают, даже монстров замечали! А вы хотите туда пойти?

– Скоро дождь, вон, тучи идут! – Маша показывает на небо, постепенно становившееся темным. Слова Маши подтвердил шквалистый ветер, подувший со стороны туч.

Ситуация быстро обрела окраску противостояния на предмет того, чем еще можно заняться. Долго спорить не пришлось – колесо заменили быстро. Раздосадованные возможностью посетить столь аутентичное место, как Паровой городок, стали заходить в автобус. Едва дверь захлопнулась, снаружи раздается гулкий шлепок, будто бы кто-то рядом с ухом откусил яблоко. Петр Аркадьевич, несколько пассажиров, выбежав на улицу, три раза поменялись в лице.

– Как такое возможно!?! Кто балуется? – возмутился Петр

Аркадьевич, – Вокруг же чистое поле!

В уже замененное колесо прилетела еще одна, уже знакомая стрела. Роскошная дырка зияла на прежнем месте, только еще одного колеса, на замену, уже нет.

– Что, теперь то точно пойдем на завод, гулять? – спросил Иван, распластавшись по креслу, сверля взглядом Покровскую.

Вокруг действительно чистое поле. И это обескураживало экскурсантов, поскольку непонятно, откуда прилетают стрелы. Петр Аркадьевич и парочка пассажиров вышли, решив обойти территорию. Вдруг кто-то сидит в засаде, под тенью деревьев, с луком, улыбаясь на все 32 зуба, стреляя по колесам проезжающих машин. Это очень хорошо объяснит высокую аварийность на данном участке дороги. Однако, найти хоть кого-то, кто мог быть нарушителем спокойствия не получилось. Петр Аркадьевич попросил зайти пассажиров в автобус, а сам подошел к колесу.

– Эх! Кто же тебя дырявит, друг! – спросил Петр Аркадьевич, присев на корточки, погладив свою седину. Ему два дня назад стукнул шестьдесят девятый год. Знает автомобили как свои пять пальцев. Победитель всех возможных автогонок, единственный из жителей Озерска, кто участвовал в ралли «Париж-Дакар»! Человек – легенда! Петр Аркадьевич никогда не стремился быть в центре внимания. Ему было хорошо от того, что он еще способен бегать, подтягиваться по сто раз каждое утро. Его внуки – образец для подра-

жания, зависть от друзей обломала все зубы, какие имела! Два дня назад, благодарная администрация Озерска подарила Петру Аркадьевичу новенькую машину. Он еще не успел ее обкатать. Собирался после поездки экскурсии съездить к родным, на Кубань.

– Что за звук такой? – прислушался Петр Аркадьевич, не вставая с корточек, обернувшись в сторону поля.

Пассажиры аж привстали от мощного содрогания, постигнувшего автобус. Первым выбежала Аня Покровская. Она истошно закричала, едва удержавшись на ногах. Следом повыскакивали другие экскурсанты. Стрела, еще одна стрела! Она поразила Петра Аркадьевича, проткнув его голову насквозь, пристыковав водителя к разорванной части колеса. Третья стрела, в одну точку. Тело Петра Аркадьевича безропотно билось в конвульсиях, ерзая по асфальту.

– Да что же это! – взревела Покровская. Как вдруг, еще одна стрела сразила пассажира в кепке. Также в голову, пригвоздив к корпусу автобуса. Экскурсанты в панике стали забегать в автобус.

– Что за смрад здесь творится? – вопрошал Павел Борисович, падая ниц на другой стороне дороги.

– Ребята! Идемте в Паровой городок! – кричал Иван тем пассажирам, которые решили остаться в автобусе.

– Мы туда не пойдем! – вмешалась Аня Покровская, – Лучше в Озерск, тут идти осталось час!

– Под дождем пойдешь, дорогая? – спросил Иван, пока-

зывая рукой на тучи, уже почти зависшие над городком.

Народ стал соглашаться с мнением Ивана. Но, не соглашались те, кто прятался в автобусе. Они боялись выходить, считали, что вот проедет хоть одна машина – сразу же все спасутся! Но, за то время, что автобус здесь находился, мимо не проехал никто. Как будто бы все вымерли, хотя дорога ведет в оживленный город.

– Я не паникер, но, смело полагаю, что в поле есть кто-то плохой. Будет лучше уйти от этого, чем стоять и смиренно ждать неизвестности! – пытался докричаться до засевших в «надежной крепости» экскурсантов Иван. Правда, взамен, герой получил красивый кукиш от одного из пассажиров. Махнув рукой, Иван пошел к арке. Следом за ним потянулись и другие пассажиры.

***

В автобусе осталось шесть человек. Молодые люди, которых можно ранжировать как «толстый, нормальный и тонкий», больше суетились, стараясь найти рабочий телефон или возможность связаться с ближайшим постом ГАИ. Их суету старалась укротить девушка, ее имя Юля. Красивая блондиночка, очень стройная, с милым лицом и звонким голоском.

– Хватит! И так все взвинчены! – ругнулась Юля на ребят, – Сядьте, успокойтесь! Здесь же ребенок!

– Бабушка, помощь придет? – спросил мальчик.

Бабушка, с приятной сединой, но модно одетая, спрятала

внука в свои объятия, поглаживая его русые волосы.

– Придет, придет. Успокойся, постарайся заснуть. Скоро за нами приедут! – приговаривала бабушка.

Юля под села к бабушке, смотря на поле.

– Как вы думаете, кто это может быть? – спросил Юля.

– Кто может быть? – бабушка нахмурила брови, осмотрев девушку с ног до головы.

– Ну, убийцы же! Кто-то стреляет по нам из лука! – Юля задрожала от страха.

Бабушка перестала гладить внука. Внук отсел, поближе к окну, наблюдая, как бабушка наклоняется к Юле.

– Случилась однажды одна такая история, – с хрипотцой в голосе начала рассказывать бабушка, – В одном селе, жил один старичок, звали его Дюбель Аркаша. Нет, это не кличка уголовника. Просто Дюбель Аркаша работал вот как раз в этом Паровом городке. Аркаша слыл мастером на все руки, и мог с одним молотком и пилой построить дом. Он так половину нашего села отстроил. Его так все любили за это, так любили! И Дюбелю Аркаше это нравилось. Он чувствовал, что нужен людям. Это было важно, ведь его бросили родные, оставив одного умирать. А он выздоровел! Но, простил. Стал жить по вере и правде. Пусть и один.

Бабушка окончательно пересела на другую сторону, поближе к Юле, и продолжила.

– И вот, однажды, он уехал. Сказал: «В санаторий, сердечко шалит!» Не было его неделю. А потом, вернулся, сам

не свой. Бледный, тощий, злой. Стал на всех бросаться, да повесился, в конце концов. Мы долго горевали, пока не выяснили кое-что. Дюбель Аркаша убил всех своих родных молотком и пилой, что он нам дома строил! Изрезал на куски, останки тел свез на наш завод, где закопал в смоляной земле. Мы очень загрустили после этого. Старались забыть Дюбеля Аркашу, но, он сам о себе напоминал. Его периодически видят на заводе и в окрестностях, как и его родных.

Бабушка замолчала. Посмотрев на внука, бабушка на ухо прошептала Юле.

– Говорят, на месте завода было языческое капище или что-то вроде этого. Много людей, кто работал здесь сходили с ума и творили невесть что. Так это или нет, я не знаю. Но смотря прямо сейчас на дорогу, через лобовое стекло, я вижу Дюбеля Аркашу, улыбающегося мне своим истощенным лицом.

Юля выпучила глаза. Она резко обернулась, ее глаза расширились в два раза. За Дюбелем Аркашей стояли все его убиенные родственники. Девушка, не в силах закричать, просто присела обратно, смотря на бабушку.

– Я его часто вижу, уже привыкла, – продолжила бабушка, – Он не враг нам, если, конечно, мы этого в своих мыслях не допустим. Милая моя, ты же не подумала об этом, верно?

Юля прослезилась. Ее лицо побледнело. Бабушка поняла, что дело пахнет жареным. Схватив внука, бабушка отсела от Юли, в середину автобуса. Дюбель Аркаша топором из-

рубил дверь в автобус, зашел вовнутрь, и уселся рядом с девушкой.

– Чернобог ждет тебя! – демоническим голосом сказал Дюбель Аркаша, – Доброго пути!

Дюбел Аркаша начал рубить Юлю топором, да так, что кровь жирными брызгами разлеталась по салону. В тот же момент, очередная стрела влетела в салон, сразив одного из юношей. Закончив с Юлей, Дюбель Аркаша оглядел салон.

– Внучок, скоро все закончится! – нервно пробормотала бабушка, закрыв внуку глаза, – Помощь пришла!

Дюбель Аркаша пошел в салон, изрубив сначала юношей, затем бабушку и внука. На выходе из автобуса, Дюбеля Аркашу встретили убитые им родственники – они поклонились герою, словно своему господину. Дюбель Аркаша с высоко поднятой головой, гордо прошелся мимо всех родственников, держа над ними топор.

ГЛАВА II. РАЗДЕЛИТЕЛЬ

После случившегося, народ решил не расплзаться в стороны, чтобы выжить. Исследовать Паровой городок особого желания не было. Все коллективно решили разместиться в главном цехе, чтобы переждать начавшуюся грозу, и, по возможности, пойти дальше.

Главный цех – это огромное, почти пустое помещение, в три этажа, с нагромождением балок, разрушенных перегородок, останков каких-то механизмов. С другими цехами, он

соединен узкими коридорами. Экскурсанты расположились в одном углу, у поваленной колонны. На поступившее предложение развести поляну, чтобы по трапезничать, герои отреагировали шквалом оваций и положительных кивков головами. На импровизированный стол в виде куска плиты свалили все, что у кого было. «В тесноте, да не в обиде» или «Чем богаты, тем и рады». Круче всех оказались сестры Полосковы. В их закромах нашлось много всего вкусного. Особенно у Светы. Так что, голодным никто не остался. Хотя употребление пищи и носило нервозный характер, в сочетании с переглядками по сторонам. Никто, слышите, никто не сомневался в том, что где-то рядом что-то опасное, способное убить. В обществе экскурсантов витала осторожная паника, норвящая в любой момент вдавить «педаль газа» в пол. Были сомневающиеся, но мало кто сидел на камне, причитая как все плохо. Напротив, среди экскурсантов шла полемика, как лучше выбраться из Парового городка, оставаясь незамеченным для неизвестного противника.

– Отсюда есть другой выход? – спросил Аню Покровскую Павел Борисович, – Не очень хочется возвращаться к автобусу.

– Есть, но до него нужно идти долго и муторно, через весь завод, – нервно пролепетала Аня Покровская. Ее голос часто то падал, то повышался – девушка находится под впечатлением от гибели Петра Аркадьевича, с которым она проработала полгода и успела породниться, – Дальше этого цеха

никто не заходил, кроме сектантов. Говорят, что в середине завода вообще одни руины и негде ходить.

– А смысл искать что-то другое? – встрял в разговор Юрий Стрелковский, – Нам легче найти транспорт на дороге, чем искать что-либо на заводе!

– Мы битый час торчали на дороге! Итог – двое убитых и не пойми, что происходит! – ругнулся Павел Борисович.

– Кстати, там, в автобусе же остался народ? – подхватил разговор Кирилл, – Может сходить, посмотреть?

– Там же дождь! – возразила Маша.

– Дождик! Всего лишь дождик! – махнул рукой Кирилл, – Помнишь наше свидание? Самое первое? Оно же было под проливным дождем, в парке. Мы тогда промокли до нитки, а когда дождь закончился, умудрились первый раз, первый раз дорогая, поругаться из-за мокрой одежды! Ты меня сильно толкнула, я упал в озеро. Ты резко три раза поменялась в лице и нырнула за мной. Потом я тебя на руках домой нес...

Маша ушла в теплые воспоминания, широко улыбаясь. Она смотрела куда-то вдаль, ее лицо покраснело и даже раздалось в размерах – щеки набухли, в глазах легкие слезы. Маша трепала себе руки, такое с ней случается, когда она радуется.

– Тут тоже самое, только ты уже под крышей будешь, – сказал Кирилл, отряхнув джинсы от заводской пыли.

– Можно я с тобой? – спросила Маша тихо, – Мне страш-

но, когда ты уходишь куда-либо без меня.

– Я знаю. Но, сейчас безопаснее здесь, – Кирилл стал гладить Машу по спине, смотря прямо в ее глаза. Они обрели строго овальную форму, сильно напряглись, поменяли цвет, взяв за основу серый оттенок. Слезы резко перестали идти, из-за этого ресницы стали слипаться друг с другом, становясь единым целым. Маша насупила губки. Кирилл, поглаживая рукой спину Маши, чувствовал, как ее тело напрягается от шеи к копчику. Позвоночник принял дугообразную форму, будто бы готовя тело к атаке. Лопатки Маши – словно древний вулкан, образовали на спине своего рода кальдеру. Того гляди начнется извержение!

– Я хочу с тобой! – шептала Маша, – Не оставляй меня здесь!

– Но тут же люди! Ты не одна! – Кирилл натянул фальшивую улыбку.

– Они мне чужие. Кто они? Я их не знаю. А ты мой муж. Я ношу твою фамилию, скоро рожу ребенка, мы одно целое!

– Ты беременна?! – закричал на весь цех Кирилл.

– Пока еще нет, – дрожащим голосом произнесла Маша, – Но, я очень этого хочу! И чувствую, что скоро это случится!

Кирилл поцеловал Машу в губы, крепко сжав ее в своих объятиях.

– Ты будешь идти сзади меня, чуть поодаль, – сухо сказал Кирилл, – Если со мной что-то случится, сразу же беги сюда! Слышишь?

Маша кивнула головой. К Кириллу подошел Юрий Стрелковский.

– Я тоже иду, мне не хочется сидеть в этом цехе, – сказал Юрий.

Едва Кирилл делает шаг, как перед ним вырастает фигура Ивана.

– Не ходи туда! – угрюмо прошипел Иван.

– Тоже дождя боишься? – усмехнулся Кирилл, отодвинув Ивана в сторону, – Мы сходим, посмотрим, вернемся и все расскажем! Это займет минут десять!

– Не боишься, как водитель, быть пригвожденным к автобусу? – язвительно воскликнул Иван.

– Так, стоп! Мы никуда не идем! – вскрикнула Маша, замахав руками, – Там же людей убивают!

– Те, кто в автобусе, уже попутку поди поймали и уехали! А мы здесь торчим! – возмутился Юрий Стрелковский, – Вы как хотите, а я пойду!

Стрелковский зашагал к выходу. Проливной дождь водопадом шел через пробоины в крыше и стенах, частично затопив множество коридоров и помещений завода. Стрелковский накрыл голову рюкзаком, и вышел наружу.

– Мне кажется, он не вернется, – проговорила Света, посмотрев на постепенно растворяющуюся в стене дождя фигуру Стрелковского.

Стрелковский шел по серпантинному коридору цеха, лавируя между потоками воды, бьющими со всех щелей. Вый-

дя на улицу, Юрий побрел к выходу. Завидев автобус, Юрий остановился, спрятавшись за сторожкой. В автобусе много темных, человеческих фигур. Улыбнувшись и нацепив рюкзак на спину, Стрелковский побежал к автобусу.

– Вот возьму и уеду сейчас! – радостно кричал Юрий, – А вы сидите, ждите, пока дождь закончится!

Юрий с разбегу залетает в автобус и резко останавливается. Внутри – никого. Стрелковский проходит в салон, осматривается, садится на кресло.

– Показалось? – спросил Юрий сам себя.

В автобус заходит Дюбель Аркаша, держа в руке топор. Стрелковский вжался в себя, стал часто дышать. Единственное, что в этот момент пришло в голову Стрелковскому: залечь на кресла, чтобы не было видно. Юрий так и сделал, а ровно в следующую же секунду, истощенное лицо Дюбеля Аркаши оборачивается в салон. Его черные, демонические глаза сощурились, бурого цвета губы напряглись, из-под подбородка повылазили острые шипы, образовав что-то вроде бороды. Дюбель Аркаша пошел во внутрь салона, ударяя топором по спинкам кресел. Юрий лежал и дергался, закрыв глаза и надеясь, что его не заметят. Для верности, Стрелковский даже поджимает ноги, чтобы не загоразживать проход в салоне. Дюбель Аркаша проходит мимо, что-то проговаривает себе под нос злое и резко втыкает топор в одну из спинок кресел.

– Хватит по автобусу мотыляться, тебя хозяин ждет! –

пропищал голос Афрания со стороны дверей в автобус.

– Что? Не смей на меня тон повышать, а то топором изрублю на радость Чернобогу! – ругнулся Дюбель Аркаша.

Стрелковский осмелился открыть глаза. Услышав, как кто-то выходит из автобуса, Юрий разжал ноги, схватил рюкзак и медленно встал. На соседнем кресле сидел Дюбель Аркаша. Его лицо без эмоционально смотрело на Юрия. Стрелковский побледнел, задрожал как осиновый лист. Дюбель Аркаша встал с кресла, и резким движением ударил топором по плечу Стрелковскому. Юрий отлетел к окну, запачкав кресла кровью. Дюбель Аркаша полез на Стрелковского, раз за разом ударяя топором по телу героя.

– Что ты делаешь?! – пропищал Афраний, влетев в автобус, – Тебя хозяин ждет!

Дюбель Аркаша злобно глянул на мертвеца – тот отшатнулся, свалившись на улицу. Дюбель Аркаша размял руки, слез с тела Юрия и, прочертив в воздухе окровавленным пальцем черный квадрат Чернобога громко проговорил: «Взываю к тебе, отец!». Дождь на улице усилился, молнии стали бить вокруг автобуса, разрывая асфальт на куски. Афраний, держа в руках лук и стрелы поспешил скрыться в поле, где его прикрыл своим плащом Мертвый богатырь.

– Ничего, долго прикрываться Чернобогом он не сможет! – пробасил Мертвый богатырь, – Придет час, и я отправлю его через Калинов мост, в небытие!

***

В цеху, забеспокоились отсутствием Стрелковского. Народ, и без того встревоженный происходящим, испугался возможной гибели Юрия. Впрочем, Иван старался противопоставить беспокойству людей теорию, мол, «удрал на попутке, черт!». Надо признать, что Света и Яна слушали Ваню, стараясь быть на его стороне. Остальные же, хоть и боялись выходить на улицу, все больше склонялись к необходимости покинуть завод. Масла в огонь подливала Аделина Львовна, избивающая Петрусечку и громко причитающая о дискомфорте, который она испытывает. Ее возмущения раздражало даже больше непрекращающегося ливня и гибели нескольких людей.

– Давайте ее оставим, мужа заберем и уйдем, а? – предложил Павел Борисович, получив тучу душераздирающих взглядов из заплывших жиром глаз Аделины Львовны, – Свяжем ее, она вон, какой боров! Ее голос хуже дьявола!

Маша вцепилась в Кирилла, боясь отпустить мужа к автобусной остановке. У Маши есть основной козырь, которым она пригвоздила Кирилла к себе: девушка не гнушалась рассуждать о ребенке, беременности, о том, как она его нянчит. Падкий на эти слова Кирилл тут же обретал окрас послушного мужа, стремясь угодить любимой жене. Но, стоило Маше ослабить хватку, как Кирилл шел в авангарде желающих покинуть цех.

– Я хочу родить от тебя! Я радею за наше будущее! А там, снаружи, стрелы, убийцы, черти пойми, что! – трезвонила

Маша на ухо Кириллу, буквально зомбируя его. Сидящий неподалеку Антон грустно смотрел на Кирилла, сочувственно кивая и разводя руками: «мол, что поделаешь, жена же!». Впрочем, сам Антон тоже был близок к состоянию Кирилла. Света, кажется уставшая от депрессивной обстановки бывшего Парового завода, стала искать пути контактов с парнем. Марта стремилась чинить препятствия своей старшей сестре, памятуя о Генке-кобеле. Но, Света, постепенно выходящая из депрессии, ходила по малому кругу, вокруг Антона, то и дело воротя фатальные движения, играя в «дразнилки» перед парнем. Нависший на секунду над Антоном Иван сухо сделал вывод: «Парень, да ты к успеху идешь! Она твоя!». Антон, не выдержав двойного давления, скрылся за колонной, откуда подсматривал за Светой.

– Что ты творишь? Ты флиртуешь с кем попало! – гневалась Марта, махая руками перед Светой.

– Я тут подумала: «А, черт с ним!» У меня все еще впереди! – улыбаясь говорила Света, видя, что Марта за нее на самом деле рада. Просто ее беспокойство за старшую сестренку выходило на первый план. Тем более, что попутно приходилось следить еще и за Яной, успешно обсуждающей что-то с Иваном. Томный взгляд парня на Яну приводило Марту в бешенство.

– Трудно быть средней сестрой? – спросила Аня Покровская Марту, – Вроде бы посередине, а следишь за всеми.

– Да. Я у них что-то, вроде диктатора, – грустно сказала

Марта, – Мне мама с папой говорят: «Что ты за ними следишь!», а я не могу иначе. Мне подружки говорят, что «у тебя врожденный родительский инстинкт, который как пиявка в твоей голове!».

– Может, ты просто еще не влюблялась? – спросил Аня Покровская, заметив, как Марта скривила лицо от поцелуя Ивана и Яны.

– Просто я мамка-средняя сестра, – улыбнулась Марта.

Едва Покровская решила отойти от Марты, как та ее окликает: – А откуда тебе известно, что мы сестры?

– Подслушала ваш разговор, пока мы выезжали из Озерска, – извиняясь, произнесла Аня, почувствовав, что раскрыла саму себя!

– Ну... знаешь, хорошо, что я, не твоя сестра. А то, сейчас бы читала нотации. Короче, посмотри назад, – сказала Марта, съеживаясь от холода.

Аня Покровская обернулась в сторону брюнета, сидевшего на большом валуне и пьющего сок. Внешне, брюнет почти как Гоголь, сидит в изящной позе, на валуне, сложив одну ногу на другую, будучи обладателем стройной фигуры и широких плеч, одетый в черный костюмчик, бежевые брючки, увенчанные коричневыми мокасинами (ставшими уже грязными из-за бродяжничества по руинам) и белыми носочками. Последние, будто бы выглядывают из-за укрытия, следя за кем-то (или чем-то) важным. Брюнет сидел с упаковкой сока, медленно пил ее, все время теребя второй рукой свой

рюкзак (видимо, там что-то сокровенное). Брюнет водил глазами по цеху, и, увидев смотрящую на него Аню Покровскую застыл неподвижно, начав целеустремленно «сверлить» девушку глазами.

Покровская пустила в расход самые ходовые фишки: приветливый взгляд, затем устремленный вниз, кисти рук, положенные друг на друга в районе пояса, левая ножка, которой героиня елозила по пыльному полу, мол, «я так, случайно на тебя посмотрела». Брюнет подавился соком, так что цель номер один достигнута. Аня, постояв еще немного, ринулась к Марте.

– Так ведь тебе же влюбиться нужно! – резко выпалила Покровская.

– А ты что, у нас особенная? Это твой типаж! Твой брюнет, бери, пока не забрали! – Марта схватила Аню за руки, повела к маленькому искусственному озерцу, образовавшемуся на месте воронки, в центре цеха. Рядом с этой воронкой бугорок, на котором сидит нужный дамам брюнет. Подведя к озерцу, Марта, широко улыбнувшись, умчалась вытаскивать Яну из коварных лап Ивана. Аня, оставшись в компании своего отражения в озерце и брюнета, еще раз красиво опустила глаза.

– Порой, мы так одиноки, что хочется выть! Но, это иллюзия, которую нам нужно разрушить! – философски высказался брюнет, вогнав Покровскую в ступор. Взглотив, Аня кивнула головой.

Тем временем, ситуация начала накаляться. Усилившейся ливень не оставил ни единого шанса попасть до темноты в Озерск. Восемь из шестнадцати несостоявшихся экскурсантов приняли решение не ждать у моря погоды, а отправиться искать ее за горизонт. Ну, то есть, прорваться через стену ливня к Озерску. Во главе инициативной группы встал Кирилл, который, уже не реагируя на козыри Маши, собрал вокруг себя страждущих прогулок под дождем. Маша, попробовав пробить к мужу еще одну лазейку, в конечном счете, примкнула к желающим уйти. Следом за Машей к «сепаратистам» присоединяются Аделина Львовна и невольничий муж Петрусечка. На второй чаше весов оказался Иван, Антон, Света, Марта, Яна, Аня Покровская и Павел Борисович. Неопределившимся оказался только брюнет, которого зовут Николаем (точно Гоголь!). Николай, вообще-то довольный положением дел и ничуть не смущающийся того, что на его глазах убили несколько человек, не особо высказываясь куда-то идти в сумерках, под дождем. Но и сидеть в одном цеху тоже устал. Поэтому, Николай предложил исследовать завод на предмет чего-нибудь интересного. Заняться чем-нибудь, лишь бы не протирать штаны в ожидании гипотетической помощи.

Иван еще раз попробовал предложить Кириллу оставить попытки удрать с завода. За то время, пока они были в цеху, у Ивана созрел план, как можно вернуться в город. И этот план блестяще выполним, но, при условии, если останут-

ся все экскурсанты. Кирилл слушать доводы своего «коллеги» не стал, и вместе с инициативной группой отправились за пределы цеха, к автобусу. Благими намерениями дорога выстлана прямо в ад – шансов встретить группу Кирилла где-либо в дальнейшем был минимален. И все те, кто остался в цеху это прекрасно понимали.

– Я подумал, что нам надо познакомиться поближе! – задумчиво произнес Николай, подошедший к Ане Покровской сзади. Девушка испугалась и закричала, но, Николай, на глазах у «всего честного народа» крепко обнял девушку, предложив выслушать Ивана.

– Каков наш план по спасению? – поинтересовался «Гоголь» у Ивана.

План Ивана прежде всего преследовал самую главную цель: не возвращаться к автобусной остановке. По сведениям Ани Покровской, на другой стороне завода есть проселочная дорога, которая ведет прямо в Озерск, через поля. Нужно добраться до этой дороги. Трудность заключается в том, что никто не знает план завода, и как туда добраться. Чтобы дело выгорело и не ушло в небытие, решено двигаться вместе. Разумеется, что про опасность думали все, и шанс наткнуться на какие-нибудь грабли был очень высок. Но, в сложившихся условиях это оказалось единственным правильным решением. В конце концов, группа Ивана проживет на порядок дольше группы Кирилла.

ЧИСТОКРОВНЫЕ

Группа Кирилла достигла остановки довольно быстро. Сильный дождь не дал героям возможности двигаться перебежками. Плюс ко всему, лишним багажом была Аделина Львовна, в силу своего веса не могущая бегать, а тем более лавировать в сложных местах. Поэтому, «арьергард» нужно было постоянно подтягивать. Совсем скоро, Кириллу и Маше надоело тянуть лишний вес, и в районе Цеха №34, самого крайнего к воротам, Аделина Львовна осталась наедине с Петрусечкой, среди поваленных колонн, кучи арматур и бетонных плит.

– Подождите нас! – кричала Аделина Львовна, видя, как экскурсанты удалялись все дальше и дальше. Задышавшись, Аделина Львовна свалилась на бетонную плиту, махая руками и громко охая. Кубарем, она покатилась к земле. Легкого визга хватило, чтобы Петрусечка, схватил свою жену за шиворот, потащив за собой, к куче строительного мусора. Свалив Аделину Львовну на него, Петрусечка мигом скинул огромную сумку с себя, выдохнул, распрямился и присел рядышком, на корточки, тыкая пальцем мокрую и мерзлую землю.

– Что ты делаешь? Догони их! Уйдут же! – кричала Аделина Львовна, но, оставшись без сил, не могла дотянуться до тушки мужа, чтобы потрепать ее. Кажется, Петрусечка это понял и с удовольствием пользовался моментом. Вытащив из сумки альбом и карандаши, Петрусечка разлегся на бетонной плите, начав что-то с интересом рисовать. Все это

дело сопровождалось диким воем Аделины Львовны, ползущей к Петрусечки по строительному мусору, шаркая своим телом. Волны жира прокатывались по телу женщины, создавая эффект «цунами». В один момент, Аделина Львовна даже встала, но пухлые ноги не удержали весь тела и рухнули на мокрую землю.

– Уничтожу! – рычала Аделина Львовна, смотря злобными узкими глазами на Петрусечку.

Надо признать, что Петрусечка быстро справился с рисунком. Закончив, Петрусечка вырвал рисунок из альбома и развернул в сторону Аделины Львовны. На белом листе бумаги нарисована красивая девушка в сарафане, с роскошными и длинными кудрявыми волосами, округлым, приятным лицом и розочкой в руке.

– Это ты! – прошепелявил Петрусечка, – Помнишь? Ты такой была, когда я на тебе женился!

Аделина Львовна резко замирает. Сквозь плотный слой жира еле-еле можно различить узкие и полные злобы глаза. Она долго, внимательно смотрела на рисунок. Потом, отвернула голову. Опустив глаза на землю, Аделина Львовна заплакала. Петрусечка достал скотч из сумки, оторвал кусочек и подошел к жене. Петрусечка прилепил рисунок к одной из огромных жировых складок на груди Аделины Львовны, чмокнул жену в щечку и отбежал на несколько метров назад.

– Это место необычное, – продолжил шепелявить Петрусечка, – Пока мы сидели в цеху, я познакомился со здешним

смотрителем Макаром. Он мне рассказал про Идол Вечности, стоящий посреди завода. Когда-то, здесь было капище.

– Кто такой Макар? Я не видела рядом с тобой никого! – удивленно воскликнула Аделина Львовна.

– Как же! Он рядом сидел, такой импозантный мужчина, с голосом как у кота в сапогах из «Шрека»! – Петрусечка даже вытащил из сумки смятый кадр из этого мультфильма, на котором изображен тот самый кот в сапогах, – Правда, не знаю, как у меня оказалось его изображение, но, сходство в голосе 100%!

– Я не видела никого, еще раз говорю! – грозно шваркнула по полу руками Аделина Львовна.

– Макар еще мне рассказал про каких-то трех сестер, но, я не очень понял, если честно, – Петрусечка подошел к краю Цеха №34, протянув руку к стене дождя, – Суть не в них, конечно же. Макар мне сказал, что есть один способ вернуть тебе прежний облик. Для этого нужно на листе бумаги нарисовать твой прежний облик и прикрепить на грудь. Остается лишь подождать немного, чтобы ты снова стала красивой и стройной. И твой характер сразу поменяется, в лучшую сторону! Вот увидишь!

Петрусечка обернулся к Аделине Львовне. Субтильный, с наглухо закрытым лицом кепкой большего размера, чем его голова, скрюченный, сдавленный, хотя жена сидит в нескольких метрах от него. Из карманов торчат игрушечные солдатики, а на руках следы от цветных карандашей. Петру-

сечка или Петр Иванович Штерн, пожалуй, добрее человека на свете не найти, что в свое время и оценила Аделинка из пятого подъезда, главная красавица всего двора. Петр не гнушался биться за нее с другими мальчишками, хотя и не умел драться. Поэтому у него выбиты передние зубы, раздроблен нос и на лбу красуется роскошный шрам от раскаленной кочерги – «подарок» Бориски Короткова, сына кочегара (именно из-за этого шрама Петр носит кепку). Бориска претендовал быть рядом с Аделинкой, но Петр стоял как кость в горле! И не удалось никому его побороть! Аделинка выбрала Петра. Он не умел драться, но его искренние чувства и жажда быть рядом выиграли в Аделинке десятибалльный шторм чувств. Им было по пятнадцать лет. Они еще целовались между гаражей, сидя в старом дедовском кресле, на котором уже столько дырок, что не сосчитаешь! Но, потом настала взрослая жизнь, уничтожившая всю романтику и любовь молодых. Болезнь Аделинки и смерть отца, неудачи в учебе и карьере, мимолетная увлеченность стафом привели героиню к необратимой мутации. Которая распространилась и на Петра, не умеющего драться с другими, а уж тем более не могущего поднять руку на любимую. И помчался снежный ком...

Петрусечка стоял на фоне стены дождя. Впервые за долгие годы он выпрямился, снял кепку, не обращая внимание на обезображенное лицо. Натянув искреннюю улыбку, Петр бросил кепку на пол и потоптался на ней. И вдруг замер.

– Теперь, все будет по-другому, – произнес Петрусечка и сзади него, из стены дождя выплыла огромная темная фигура монстра. Многочисленные щупальца и рога торчали в разные стороны. Чувствовалось его тяжелое дыхание. Монстр завис на Петрусечкой, который махал рукой Аделине Львовне, будто бы говоря «прощай».

– Если у тебя жизнь полетит под откос, я найду способ вернуть ее на прежние рельсы! – вслух произнесла Аделина Львовна.

Эта фраза принадлежит Петру. Он сказал ее, когда они, с Аделинкой, сидели под сильным проливным дождем на подранном диване, выброшенном в болота за гаражным массивом. Там же они сыграли костюмированную свадьбу, стащив старые вещи своих бабушек и дедушек. Там же крестили маленькое бревно, которое нарекли свои сыном. Они завернули его в пропахшее летним костром одеялко. Пригласили сумасшедшего деда-соседа Бориса сыграть роль священника.

– Сначала, ты лишь бревно, – говорил Борис, – Потом реальность.

Аделина Львовна вспомнила эти моменты, и ее щеки надулись, как воздушный шарик. Из глаз потекли потоком слезы, а руки стали гладить рисунок Петрусечки. Аделина Львовна очень хотела встать, но жировые складки сделались тяжелее, чем обычно. Она хотела подойти к Петрусечке, чтобы увести его от монстра, но все, что она могла сделать, это

лишь истошно закричать, брызгая слюной и шкрябая ногтями по мокрому бетонному полу.

***

Группа Кирилла, сбросив лишний «балласт», успешно добралась до автобуса. В постепенно темнеющем небе то и дело сверкали молнии, а уж гром, если и прокатывался по полю, то с такой лютой силой, что создавалась иллюзия землетрясения. Стена дождя по-прежнему хлыстала землю, кое-где образовались огромные и глубокие лужи. Даже трасса до Озерска превратилась в реку. Экскурсанты успешно промокли до нитки и очень хотели попасть в автобус. Поэтому, все шесть человек с разлету влетели в салон. Заняв места, экскурсанты стали думать, как быть дальше.

– Как мы видим, помощь не пришла, – судорожно сказала Маша, оглядываясь по сторонам, – Может, зря мы не остались с остальными?

– Не страшно! Сами доедем! – громко заявил Кирилл и полез за руль автобуса. Осталась лишь две незначительные детали: заменить колесо и найти ключи зажигания.

– Так, стоп! А куда делись трупы? – смущенно спросил Маша, – Как минимум, должно быть два человека! Водитель! Где водитель?!

Люди в салоне зашептались, Кирилл продолжил рьяно искать ключи. Не найдя их, герой принялся бить кулаками по рулю. Тут-то, у Кирилла и возникла идея фикс: завести автобус, как это делают в фильмах! Для этого, всего лишь

на всего надо «что-то вздернуть под рулем». Так думал Кирилл. На практике, просто думать оказалось мало. Увлеченно лазая под рулем, Кирилл услышал крик Маши. Вскочив с водительского сидения, Кирилл тут же присел обратно. На ступеньках входа в автобус стоит Дюбель Аркаша с топором в руке. Его истощенное лицо злобно смотрело на Кирилла, Машу и остальных экскурсантов.

– Ты кто такой? – спросил Кирилл.

Дюбель Аркаша молча прошел в салон, вплотную подошел к Маше и улыбнулся.

– Э! А ну, отойди от моей жены! – рыкнул Кирилл, подойдя сзади к Дюбелю Аркаше.

Салон автобуса сотрясается от звука битого стекла. Сразу четыре стрелы друг за другом влетают вовнутрь, сразив стоящих позади Маши экскурсантов. Девушка громко кричит и бежит к задней секции автобуса. Дюбель Аркаша молча, вразвалочку бредет за ней, втыкая топор в спинки кресел. Кирилл хватает огнетушитель и мчится на Дюбеля Аркашу. Кирилл ударяет призрака по голове – раздается гулкий звук, после которого Дюбель Аркаша падает на пол. Маша с визгом летит к Кириллу, и вместе они бегут к выходу из автобуса. Но, едва Кирилл вступает на ступеньку, как с поля прилетает еще одна стрела – она пронзает горло героя, выйдя острым наконечником сзади. Кирилл падает на Машу, заливая ее кровью. Героиня скидывает тело мужа, ползет в автобус. Дюбель Аркаша, очухавшись от удара огнетуши-

телем, с липким звуком стал распрямляться, мотая свое тело из стороны в сторону. Маша запрыгнула на водительское сидение, открыла дверцу, и побежала в сторону завода. Забежав на территорию завода, Маша прячется за сторожкой. Выглянув из-за угла, Маша видит, как от автобуса идет группа погибших экскурсантов с Петром Аркадьевичем во главе. Позади него идут Кирилл, Юрий Стрелковский, Юля и бабушка с внуком. Их облик обезображен: у кого-то не достает нижней челюсти, кто-то держит голову в руках, а из шеи торчит мелкая щупальца, мотылясь от своего длинного роста по дождю, рассекая стену бесконечной воды. Экскурсанты заходят на территорию завода стройным рядом, продолжая движение в глубь. Маша пятится назад, за сторожку, стараясь спрятаться в темноте. Когда экскурсанты исчезают во тьме заброшенных корпусов завода, Маша выбегает к арке. Девушка отваживается бежать до Озерска так, под дождем. Выбежав на дорогу, Маша начинает потихоньку разгоняться, постепенно наращивая скорость. В определенный момент, девушку одолевает паника, и Маша останавливается среди трассы, громко кричит и остервенено осматривается по сторонам. В ее животе начинается жуткая боль, от которой Маша скрючивается и падает ничком на трассу. Из темноты, на дорогу выползает Афраний с луком и Мертвый богатырь. Маша старается ползти от них дальше, но монстры продолжают медленно настигать героиню. Долго ползти Маше не приходится: прямо перед ней из ниоткуда возникает

Дюбель Аркаша.

– Опять ты? – взвыл Афраний, – Сколько можно? Всех уже топором порубал? Пошел вон!

– Взываю к тебе, отец! – громко закричал Дюбель Аркаша, распростёрши руки кверху.

Вокруг Маши начинают методично бить молнии, вводя девушку в окончательное паническое состояние. Афраний достаёт стрелу и натягивает ее на тетиву. Мертвый богатырь просит его повременить. Дюбель Аркаша с довольным лицом подходит к Маше, и сначала отрубает ей одну кисть, потом вторую, а затем и вовсе начинает рубить ее тело. Плотная стена дождя уводила потоки крови прямо по трассе, в сторону Озерска. Довольный Дюбель Аркаша рубал тело несчастной до тех пор, пока оно не превратилось в окончательное месиво.

– Ты еще за это заплатишь! – рыкнул Афраний.

– Калинов мост ждет тебя! – зарычал Дюбель Аркаша, вытирая свое мокрое и забрызганное кровью лицо.

Мертвый богатырь, укрыв Афрания своим плащом, подымает меч вперед, грозя им Дюбелю Аркаше.

– Идол Вечности все видит! – басом заговорил Мертвый богатырь, – Твоя изощренная жестокость приведет тебя прямо к Смородине-реке, которую переплывать будешь голышом, под пристальным взглядом трехглавого Змия!

– Только после тебя, богатырь! Жду не дождусь, когда тебя отправят обратно, к своим братьям, в Пустошь! – злоб-

но хохотал Дюбель Аркаша, – Я – сын Чернобога, а кто ты? Кто ты? Просто восставший из мертвых богатырь! Брат своих братьев, навеки вечных призванных бродить по Пустоши! Ты – раб, а я будущий твой господин! И моя жестокость – мое призвание!

Дюбель Аркаша рукой хватает стену дождя и накручивает ее вокруг себя. Исчезнув, стена дождя волной относит Мертвого богатыря и скрюченного мертвеца в поле.

– Дождется, изверг! – возмущался Мертвый богатырь, наблюдая, как Дюбель Аркаша разгуливает вокруг автобуса, – Смуту наводит на наши деяния!

– Дайте я его убью! – пропищал Афраний, снимая с себя комки грязи, – Невмоготу уже! Он переходит все границы! Никто не позволяет себе такие жестокие убийства, даже Макар!

– Ночь будет бурной. Ничего, скоро мы найдем управу на этого маньяка с топором! – сказав Мертвый богатырь, воткнул свой меч в землю и присев на камень, смотрел на развалины завода, где еще осталась одна группа экскурсантов, наиболее сильных и умных, но едва ли подозревающих, что их ждет уже совсем скоро.

ГЛАВА III. УШЕДШИЕ В НОЧЬ

– Подумать только! Был завод. А теперь? Что теперь? Руины! – возмущался Павел Борисович, перешагивая через многочисленные остовы станков, крепежей, кусков бетонных перекрытий.

– Зато с экологией полный порядок – ответил Николай.

Путь группы Ивана нелегок: многочисленные руины сводили на нет попытку пересечь цеха и корпуса завода быстро. Причем, местами прогнул пол, через зияющие черные дыры в потолке в «сеточку» смотрела бездна. Как бы в нее не провалиться... Атмосфера безумного постапокалипсиса. Не достает разве что солдат в потертых камуфляжах, с автоматами Калашникова, толпы угрюмых горожан и обстановки перманентного ужаса. Вроде вот-вот что-то случится, но никто не мог предположить или описать это. С течением времени, как завод закрыли и стали растаскивать по частям, внутри корпусов зацвела своя собственная жизнь. Многочисленные сектантские граффити на стенах, выскобленные на стенах послания типа «Здесь были Костя и Наташа», остатки костров, банок, бутылок. Природа берет верх, и уже внутри цехов растут деревья, трава, которые благодаря дырявой крыши большинства зданий без проблем получают поливы в виде дождей. Как сейчас, например. Есть и более экзотические экспонаты, как скелеты людей. Словно застывшие образы в седых веках, человеческие скелеты с безумными «отвалами» челюстей лежат в земле, красноречиво говоря о том, что их последними мгновениями жизни были ужасные пытки. Некоторые скелеты лежат в разобранном виде на бетонных плитах, некоторые вживлены в стены, а есть просто развешанные на канатах по цехам, пугая непрошенных гостей. Группе Ивана повезло шарахаться от каждой такой наход-

ки. Всматриваясь в пустые глазницы черепов, невольно слышишь крики несчастных их обладателей. Что с ними делали? Судя по истошному характеру криков, пытки были жуткими и неповторимыми – для каждого был уготован свой «котлован счастья».

– Им сняться страшные сны из года в год, изо дня в день, – бормотал Николай, стараясь не отставать от Ани Покровской, которая мурашками покрывалась от фраз своего спутника, – Вот этот, без челюсти, кажется, ему ее оторвали, когда он был жив. Судя по всему, чем-то острым, пилили долго, зазубрины еще свежие. Возможно, это было недавно. Интересно увидеть этот момент!

– Это не очень гуманно с вашей стороны, – недовольно воскликнула Аня Покровская, едва не оступившись об очередную балку, – Я девушка, я цветы хочу, романтики, поддержки в таком месте, а вы... Вы подошли ко мне, обняли, что-то где-то как-то намекнули, и говорите много, но много ужасного! Это противно!

Аня Покровская все-таки навернулась с очередной балки вниз, по небольшому спуску, упав к ногам Павла Борисовича. Николай тотчас метнулся к Ане, поднял ее, отряхнул, обнял, оттолкнул Павла Борисовича в сторону, и чуть было не взял девушку на руки.

– Вам нужно быть рядом со мной! – романтичным голосом сказал Николай.

Аня Покровская с безумным выражением лица посмотре-

ла на Николая, резко ударила по его рукам и отбежала поодаль. Николай поспешил за девушкой, хотя его движения больше напоминали действия маньяка – того гляди наступит свою жертву и понесет украшать ею кружева для своих кровавых оргий.

Между делом, время подходило к часу ночи. Дождь превратился в «вечный двигатель», играя с темнотой в игру «кто больше всех попробует накрыть этот мир». Группа Ивана достигла административного блока, где удалось развести огонь из сподручных материалов и устроить «пикник у костра». Надо заметить, что административный блок – громко сказано. Видимо, здание было куда выше, но что-то или кто-то снесло ему «крышу», в итоге, оставшиеся два этажа сумбурно торчат среди заводских руин, сливаясь с тьмой, накрывшей этой дождливой ночью всю округу. Экскурсанты расположились на первом этаже, в самой целой комнатке, размером шесть квадратных метров.

– Как кухня в советской хрущевке! – возмутился Павел Борисович, падая на пол от усталости.

– Сколько мы шли? Часа два? Три? – спросила Марта Ивана, который угрюмо смотрел в окно, на дождь, на проглядывающие в полумраке очертания заводских руин.

– Где-то так, – Иван глянул на разряженный телефон, – У кого-нибудь телефон работает?

В ответ молчание и постные лица экскурсантов. Маленькая комнатка еще имела остатки былой роскоши: бежевые,

«советские» обои, с календарем за 1989 год, в углу скромно лежала люстра без лампочек в форме креста, придававшая символичности сложившейся ситуации. В комнатку есть даже дверь! Которая работает! Пусть и со скрипом, но создать интимную обстановку нет проблем!

– Раньше утра не вижу смысла выдвигаться, – бурчал Иван, стоя у окна, – Сейчас темно, хоть глаз выкали, стена дождя, грязь, постоянные шатания по брошенным цехам, где пусто, уныло и никого нет. Поутру, при свете солнца будет проще найти выход.

– Ты же сам нас сюда повел! А теперь руками разводишь? Кирилл и ребята уже давно уехали! А мы забрались черти куда, даже не знаем, где находимся! – ругалась Марта.

– Сестричка, будь попроще! – заступилась за Ивана Яна, – По крайней мере, мы вновь под крышей!

– И без еды, – сухо добавила Марта.

Закончившаяся еда и вода увели вместе с собой оптимизм и тягу к приключениям у всех экскурсантов. Даже гибель ряда товарищей не вызывала тоску, поскольку успешно перекрывалась мыслью о том, что вот-вот будет спасение, и «мы выберемся из завода!» Но, пока что герои добрались лишь до маленькой комнатушки, не зная, в какой части завода находятся. Костер удалось развести спустя два часа. За это время продрогли все, жажда и желание хотя бы сгрызть корочку хлеба играли свои самые мощные партии. Спокойнее всех были Света и Антон, смиренно сидевших рядом друг с дру-

гом и смотревших на голую стенку, напротив. Марта изрядно нервничала, все время тыкала в Ивана пальцем, обвиняя его в том, что «завел Сусанин, да не туда!» Ей вторил Павел Борисович, которому просто хотелось еды, и поэтому, самым лучшим вариантом для него оказалось встать в оппозицию к Ивану. Которого прикрывала Яна, все время флиртуя с ним у окна, поднимая парню настроение. Марта смотрела на все это с позиции «Доиграешься, побью!», но, нервозность и тревога насчет того, что она еще на заводе, и что на улице мрак с дождем перекрывали желание отвести Янку от незнакомого еще несколько часов назад парня. Николай травил философские байки о конце света. Аня Покровская безуспешно пыталась перекрыть его мрачность юмором, но, ее тонкий и дрожащий голосок сводили все попытки на нет. Время от времени, Николай пытался обнять девушку, на что получал шлепок по лицу. Впрочем, Покровская никак не могла согреться, даже костер не помогал. И стремящийся к ней Николай оказался естественным «одеялом», ну, точнее сказать, его объятия произвели на девушку мощные потоки тепла. Что даже рассуждения Николая о грядущем страшном суде стали казаться Ане весьма интересными и познавательными.

– А как быть нам? – спросила Аня Покровская Николая, – Если нам уж суждено пройти через Страшный суд в застенках брошенных цехов завода – как быть?

– Попытаться перестать быть комком нервов, – Николай

гладил Аню Покровскую по голове, отчего девушка стала похожа на кошку. Не доставало разве что мурлыкания.

– Комок нервов, скажешь тоже... Холодно, голодно, людей убивают! Ай! – возмутилась Марта.

– А мне хорошо здесь, – мечтательно сказала Яна, получив поцелуй в щечку от Ивана, – Тут романтично!

У Марты резко покраснело лицо. Ее глаза залились праведным гневом. Посмотрев на молчаливую Свету, облокотившуюся об плечо Антона, Марта замахала руками и начала драть волосы.

– Быть такого не может! Во что превращается наша поездка! – визжала Марта на всю комнату.

– В приключение, неподвластное времени, – неожиданно сказал Антон, впервые обронив фразу за два с лишним часа. Его голова прислонилась к голове Светы. Марта подсела ближе к костру, стараясь не смотреть на своих сестер. Ее взгляд, переполненный гнева, смотрел на огонь, в котором ей виделся целый мир. Затем, послышались голоса. Странные такие, они отражались об стенки комнатки, возвращаясь в костер.

– Скоро ты станешь видеть иные миры! – шептал огонь Марте, – Скоро твои очи увидят неведанное!

Марта широко улыбнулась, потеряла грязными руками лоб и отодвинулась от костра. Рядом с Мартой появляется черная фигура девушки, которая кидает в костер тысячи мелких звездочек. Удивившись, Марта задает вопрос: «Кто ты?».

Черная девушка застывает на месте и исчезает.

– Идол Вечности ждет тебя! – раздался резкий крик черной девушки, чье лицо появилось за левым плечом Марты.

Марта кричит, встает, облакачивается об стенку и начинает истошно рыдать. Подоспевшие к ней Света и Яна пробуют успокоить сестру, но, кажется, дело плохо. Марта начала избивать сестер, толкать их и побежала к окну. Иван попытался задержать Марту, но, девушка вылезла наружу и скрылась в стене дождя. Света попыталась пролезть за ней, но, Иван и Антон удержали ее.

– Куда она?! – кричала Яна.

– Давайте я, – сказал Павел Борисович, – Вы здесь уже все с парой, а я один. Хоть помогу вашей сестричке прийти в себя.

Павел Борисович перелез через окно и также скрылся в стене дождя.

– Вам лучше отсюда бежать! – раздался громкий бас в комнате. С потолка пошел вихрь, затушивший костер. Экскурсанты поспешили покинуть комнатку, укрывшись в коридоре. Дверь захлопнули и заложили кирпичами. Когда все успокоилось, Иван, Антон, Света, Яна и Аня Покровская смотрели на Николая и его рюкзак.

– Что у тебя в рюкзаке? – вдруг спросил Иван.

– Говоришь, перестать быть комком нервов? – гневно рыкнула Яна.

– Куда Марта побежала? – повышенным тоном задала во-

прос Света.

Николай отошел от экскурсантов, дальше, по коридору. В его след устремились грозные взгляды героев, стремящихся найти ответы на вопросы у самого таинственного участника их экскурсии.

– Лучше открой рюкзак! – Иван засучил рукава и взял в руки кирпич.

– Что тебе, легче станет от этого, если я открою рюкзак? – выпалил Николай, как из пулемета.

– Ты, проповедник! Где наша сестра? – Яна взяла второй кирпич, – Страшный суд грядет? Вот, давай проведем его аперитив!

Николай кинулся прочь, на второй этаж. Иван за ним, Яна следом. Антон удержал Свету за руку.

– Не стоит! В порыве гнева и тебя заденут, – тихо прошептал Антон, посмотрев одним глазом на Аню Покровскую, съежившуюся от холода и ревушую крокодилыми слезами. Света прижалась к груди Антона, закрыв глаза и закусив всю боль и нервозность кулаком – укус был настолько сильным, что кожа вокруг следов зубов вспучилась и покраснела.

Николай бежал по коридору второго этажа, кидаясь в преследующих его Ивана и Яну всем, что под руку попадалось: кусками дерева, камнями, пустыми ведрами, швабрами. На крутом повороте здания, где коридор заканчивается дырой в стене, на улицу, Николай утыкается тупик. Иван быстро настигает героя и начинает отбирать рюкзак.

– Что у тебя в рюкзаке! Что у тебя в рюкзаке! Покажи! Покажи, а то голову об бетон раскрошу! – кричал Иван, а Яна стояла позади и подбадривала своего героя.

Николаю удастся выхватить рюкзак и толкнуть Ивана на улицу. Иван падает со второго этажа на землю. Неожиданно, земля раскрывается, и Иван падает в бездну. Яна, посмотрев через край на землю и не увидев Ивана, с ревом мчится на Николая. Николай отбегает в сторону, ставит Янке подножку – девушка со свистом летит на стенку тупика, ударяется головой, хватается за нее и падает на пол. Николай медленно подходит к Яне, наклоняется, обсыпает ее пылью, напоследок погладив по голове.

– Ничего, поболит и перестанет! – тихо сказал Николай и ушел восвояси.

***

Павел Борисович недолго бегал по дождю. Почувствовав, что одежда промокла до нитки за долю секунды, Павел Борисович прячется под навесом Цеха №5. За Павлом Борисовичем, в темноте, со скрипом открывается дверь в Цех. Павел Борисович, осмотрев проход, заходит во внутрь. Длинный коридор, в конце которого виднеется свет. Чей-то шепот, быстрые шаги и звуки цепей. Павел Борисович украдкой шел по коридору, все время, оборачиваясь назад. Наконец, когда герой достиг конца коридора, перед его взором предстала маленькая округлая зала, бывшая когда-то кухней. Теперь же, ее облюбовали сатанисты. Группа людей в чер-

ных балахонах, с белыми пентаграммами на спинах, бродили вокруг костра, куда сидящие перед ним адепты бросали какие-то книги. Позади сатанистов висели знамена Ордена Бафомета. Самый главный из сатанистов стоял позади костра и что-то бормотал, уткнувшись носом в книжку. Павел Борисович тихо заходит в залу, но спотыкается, еле удерживается на ногах, и наводит шороху. Сатанисты тотчас встают по стойке смирно, сильно выпучив глаза. Самый главный из них вышел вперед. Осмотрев Павла Борисовича с ног до головы, Главный Сатанист расплылся в улыбке.

– Наши молитвы услышаны! Это он! Мы его звали, и он пришел! – радостно кричал Главный Сатанист, – Ты, ты наш бог! Дай нам силы!

– Я не ваш бог! – удивленно воскликнул Павел Борисович, но ему в ноги стали кланяться и обсыпать песком его туфли, – Как вы сюда пробрались, в такую то погоду?

– Через поле, мы с Озерска, о, повелитель! – с уважением причитал Главный Сатанист.

– Так выход недалеко?! – воскликнул Павел Борисович.

– Он за цехом, где мы находимся! Мы тебя туда отведем, повелитель! – Главный Сатанист чиркнул ножом по своей ладони – кровь потекла на ботинки изумленного Павла Борисовича.

– А безумную девушку не видели? – скромно поинтересовался Павел Борисович, кажется, вжившись в роль демона.

– Наложница! Повелителю нужна наложница! – зашепта-

лись сатанисты.

Но былая радость сатанистов улетучилась с появлением в зале черной девушки. Ее визг оглушил часть народу, остальных она просто изрезала своими когтями. Главному сатанисту девушка свернула шею и бросила в костер. Подойдя к Павлу Борисовичу, девушка обратилась в высокого блондина, в фиолетовом смокинге, татуированном с ног до головы. На голове фиолетового цвет цилиндр, густая растительность закрывает почти все лицо кроме шеи – но и там виднеются татуировки.

– Я Макар, здешний правитель! – низким голосом сказал блондин, оторвав голову одному из поднявшихся на ноги сатанистов, также бросив ее в костер, – Сатанисты. Ходят сюда, молятся своему правителю. Сатана, Люцифер, кто там еще? Такие смешные имена. Они реально верят, что они существуют. Представляешь, до какого маразма дошли люди?

Павел Борисович молчал. Он стоял по стойке смирно, наблюдая за Макаром, откручивающего головы сатанистам и бросающего их в костер.

– Все вы люди такие? Не понимаю вас. Вам бы в черноту какую-нибудь верить. Вот ведь, а! Чего этим окаянными бес-тиям дома не сиделось? Ходят, молятся, шепчутся, гольшом танцуют, насилюют друг друга. Это что? Это вся ваша культура? Все, чего вы достигли за века своей истории?

Макар распростер руки кверху, громко воскликнув: – О, великий Род! Ты наш творец! Скажи, зачем явились люди?

Макар метнулся к Павлу Борисовичу, схватил его за лицо и начал трясти.

– Что ты такое? Кто ты такой? Зачем ты живешь? Какова твоя цель? Сколько ты еще убил или убьешь? Почему ты дрожишь? Боишься меня? Вот опять! Хоть бы один смотрел на меня, как на своего, ан нет – дрожите все. От страха.

– Кто ты? – сквозь дрожь спросил Павел Борисович.

– Я? Я Макар, здешний правитель. А ты – ты отправляешься к Идолу Вечности!

Макар хлопнул в ладоши три раза, пол под Павлом Борисовичем исчез, и герой провалился во тьму.

ЗАБЫТОЕ

Павел Борисович очнулся привязанным к кровати, в просторной комнате с наглухо забитым досками окном. Комната обшарпанная, с отвалившейся штукатуркой, треснувшей стеной и грудой кирпичей в углу. Сама кровать покрыта толстым слоем пыли, на Павле Борисовиче белая крошка, небольшая горсточка удачно примостилась на носу героя. Павел Борисович громко чихнул, комната вся аж забродила и затряслась. Веревки сами сползли с Павла Борисовича, позволив встать и вытянуть ноги. Пошатываясь, Павел Борисович вышел в коридор, где ужаснулся висящей в воздухе красноватой пыли. На стенах развешаны плакаты о мерах предосторожности, вдали моргает синяя лампочка, ввинченная в боковой светильник. Под ней расположился патефон, заваленный книгами. Над ними висит доска объяв-

лений «Общежития №1 Парового завода». Рядом стоял человек. Бледный, тощий, с острым носом, повернутый лицом к стене, он скрежетал руками по рваным брюкам. Звук стоял, словно пенопласт режут, уши хочется снять и спрятать глубоко-глубоко, чтобы не слышать!

Павел Борисович медленно побрел по коридору, осматривая такие же просторные комнатки по ходу своего движения. Во всех них в разных позах застыли бледные, тощие люди. Кто-то с чашкой, кто-то с книгой, кто-то просто стоит и смотрит в окно. Будто бы некто нажал на паузу, и все вокруг замерло. Павел Борисович аккуратно подходил к каждому застывшему человеку, наблюдая, как их веки время от времени дергаются, а по венам шумно течет синяя (именно синяя!) кровь. В одной из комнаток, с двухэтажной кроватью, Павел Борисович узрел три стоящих по стойке смирно фигуры. Они укрыты белой скатертью, больше похожи на «предметы», что готовят к долгожданному переезду. Фигуры стоят строго по середине комнаты, лицами повернуты к окну. Окно все также забито досками, по середине воткнут гвоздь, на котором висит бордовая мочалка. Павел Борисович, сделав задумчивое лицо, медленно зашел в комнатку. Кроме двухэтажной кровати иных предметов в комнате нет. Давящие темно-серые стены, шершавый, волнистый потолок, дощатый, стонущий пол. Все эти звуки казались Павлу Борисовичу такими знакомыми, что герой всматривался в каждую пылинку, в каждую дощечку, горстку му-

сора. Наконец, когда Павел Борисович оказался возле висящей на гвозде бордовой мочалке, по его лицу пробежал резкий, рваный и мощный холодок. Павел Борисович дотронулся до мочалки, съезжившись от странного озноба, возникшего на ровном месте. Некто снял скатерть с фигур, стоящих по середине комнаты. Ими оказались три женщины разных возрастов (одной лет двадцать, второй тридцать, третьей, кажется, пятьдесят), в розоватых длинных одеяниях, разноцветными глазами и расцарапанными щеками. Длинные волосы женщин соединены друг с другом, образовав массивный клубок над ними. Этот клубок словно висел на крючке, хотя ничего вокруг него не было. Павел Борисович обомлел, увидев женщин, он даже визгнул, нервной и резкой походкой отойдя от них, ближе к окну.

– Какое диво! – воскликнул Павел Борисович, сняв мочалку с гвоздя, и, не обращая внимание на то, что она вся в пыли, протер себе лицо.

И перед героем предстал светлый и солнечный день. В комнате идет ремонт. Стоит краска, шпаклевка, цемент. На двухэтажную кровать свалена вся утварь, будто то одежда, сковородка, инструменты. Через окно комнату заливают ярко солнечные лучи. Из коридора слышится женский смех. Павел Борисович срывается с места, идет к выходу из комнаты, но, обращает внимание на лежащую возле двухэтажной кровати бордовую мочалку. Взяв ее в руки, Павел Борисович нежно протер ее от пыли.

– Любимая мочалка Тани, – тихо произнес Павел Борисович, – Надо ее повесить отдельно!

Начав искать место, куда бы можно повесить мочалку, Павел Борисович неожиданно вспомнил про телефон – он оставил его в машине! А ведь Таня может ему позвонить, с минуты на минуту! Нужно срочно бежать на улицу, вдруг она уже на подходе? Павел Борисович не стал мешкать, и подбежав к окну, повесил мочалку на ручку одной из створок.

Едва Павел Борисович заступает за порог комнаты, раздается мощный хлопок в помещение. Как будто бы что-то разбилось. Обернувшись, Павел Борисович стал искать глазами то, что может издать такой звук. Ничего не найдя, Павел Борисович снова заносит ногу за порог, но, тут, в дверях вырастает массивная фигура Полицейского. Лысый, с мускулистым лицом, на котором, пожалуй, даже глаза накачаны! Полицейский смотрел на Павла Борисовича с высока, держа в руках папку и теребя ее двумя пальцами снизу.

– Павел Борисович? – спросил басом Полицейский.

– Он самый, чем могу помочь, – судорожно ответил Павел Борисович, почувствовав, что где-то подвох: просто так полицейские на порог дома не заявляются.

– Я по очень важному делу. Это касается вас, лично, – произнес Полицейский. Он сказал это так, словно стоит на плацу, отчитываясь перед командиром роты о проделанном задании.

– Что случилось? – Павел Борисович уже не мог найти

себе место, начав мять надетую на себя одежду.

Разговор с Полицейским был долгий и тяжелый. Павел Борисович свалил все предметы с двухэтажной кровати, грозясь пойти по головам людей. Герой неистовствовал, пиная мешки со штукатуркой, краской и... его рука нанеслась над мочалкой. Павел Борисович хотел изорвать ее в клочья, но, не хватило силы воли. Так она и осталась висеть в этой комнатке. Полицейский ушел, а, Павел Борисович еще долго бродил по комнатке, разбирая на составляющие все человечество. Когда село солнце, Павел Борисович все-таки решился отправиться в домой. В тот дом, в котором он сейчас живет, а этот... он ремонтировал его для своей жены и двух прелестных дочурок. Чтобы жить с ними.

Уходя, Павел Борисович закрыл дверь. А, в комнатке остались тени, очень похожие на Павла Борисовича. Они шептались, бегали, прыгали, а потом, встали в круг, положив друг на друга руки. Они договорились быть всегда за Павлом Борисовичем, бледной тенью его воспоминаний. Ибо он позволил им стать таковыми, уходя из этой комнатки. Когда-то, в ней он впервые поцеловался со своей женой, в ней он впервые качал на руках свою первую дочь, затем вторую – в обоих случаях, Павел Борисович пропускал роды и выписку из роддома из-за частых командировок.

– Автобус, в котором ехали ваша жена и двое детей упал с моста, в реку. Нашли тела всех пассажиров, кроме вашей семьи. Мы будем прочесывать дно, пока не найдем их! – раз-

дался в темно-серой комнатке бас Полицейского.

Действие снова возвращается в обшарпанную комнатку Парового завода. Павел Борисович тихо опустился по стенке, смотря на свою жену и дочерей, которые безмолвно стояли посередине комнатки, такие яркие в этом мокром и грязном царстве. Они пропали. Они были в том автобусе, ошибки нет. Спасатели уповали на то, что девушек могло унести течением, долгие и томительные поиски ни к чему не привели. Павел Борисович почти съехал с катушек. В тот дом, который он ремонтировал, в ту комнатку, что держала теплоту его воспоминаний, дорогу пришлось забыть.

– И вот я снова здесь! – громко хохотал Павел Борисович, удивляясь, как это среди заброшенного завода, в разбомбленном общежитии оказалась частичка из его прошлого, – Я ведь почти смирился, и тут снова вы!

Павел Борисович закрывает лицо пыльной бордовой мочалкой, через которую раздались звуки грузного мужского воя. Павел Борисович не заметил сквозь мочалку движение женщин – они взяли белую скатерть и накрыли ею героя. Женщины крепко обняли рыдающего Павла Борисовича, опоясав его шею своими руками. Создалось ощущение, что они его душат, но, герою уже было все равно.

ЛИДЕР

Два резких хлопка по лицу, и Иван пришел в себя. Рядом с ним сидят два тощих, бледных человека в белых робах, с черными глазами и ярко красными губами. Герои си-

дят на скамейке, под навесом. Таких навесов много, и они, стоят по краю футбольного поля. Вокруг поля стоят полуразрушенные цеха завода, еле видимые за пеленой сильного ливня. На поле стоит с десяток тощих людей, с наклоненными вниз головами. Иван аккуратно, словно контролируя себя, визгнул, обратив внимание, что два тощих, бледных человека вытянули шеи и поджали под себя ноги.

– Кто вы? – спросил Иван осипшим голосом.

– Твои рабы! – дуэтом ответили бледные люди.

Резко вскочив, бледные люди схватили Ивана за руки, и потащили на футбольное поле, к толпе своих «соплеменников». Тощие люди, увидев Ивана, стали разбегаться в разные стороны, мычать, кататься по траве, громко хлопая в ладоши и хвататься за головы. Иван крутился по кругу, ежась от жутко холодного дождя, бившего по герою своими многочисленными каплями. Один из тощих людей, неожиданно стартует с места, подбегает к Ивану, крепко обнимает его, гладит шершавыми ладошками пол лица, улыбаясь и радуясь.

– Повелитель! Повелитель! Повелитель! – хором скандировали тощие люди.

– Мы видели, как ты пытался руководить людьми из автобуса. Ты силен и умен, ты нужен нам! – пропищал Самый Высокий Тощий Человек из толпы, он отличался от других не только ростом, но и белоснежными зубами – они, словно луна светили в кромешной тьме, что даже стена дождя ока-

залась не в силах затмить его!

Тощие люди обступают Ивана, теребя его руками, дергая за одежду и волосы. Иван попытался вырваться из толпы, но, его затащили вновь. В определенный момент, тощие люди начали колотить Ивана, оставляя на его теле синяки и порезы.

– Повелитель! Повелитель! Повелитель! – постоянно скандировали тощие люди.

Иван старался извиваться, будто змея. Отчасти, ему это помогало. Тощие люди обезумели, в конце концов, они перестали замечать, куда тянули свои руки. И стали избивать уже сами себя. Иван пробирался сквозь толпу, стараясь сдерживать эмоции, хотя на его лице отчетливо читался страх и ужас. Выбравшись из толпы, Иван помчался по футбольному полю в направлении выхода. Самый Высокий Тощий Человек с белоснежными зубами заметил, что их объект восхищения убегает. По полю разнесся нечеловеческий крик. Иван обернулся на бегу, едва не рухнув от увиденного на землю – толпа бледных людей бежала за ним, их рты были широко раскрыты, а глаза устланы гневом. На самом краю футбольного поля Иван спотыкается об изогнутую корягу, оказавшейся рукой Мертвеца. Мертвец жадно глотал воздух, раскурочив землю вокруг себя. Из его рта шел густой пар, а глаза горели огнем.

– Человечность должна быть чужда лидерам! – вздохнул Мертвец, наблюдая, как Иван с ужасом пятился назад.

Тощие люди табуном прошлись по Мертвецу, втоптав его в грязную и холодную землю. У входной арки на стадион, Иван вновь падает на землю, и снова из-за руки Мертвеца. Он смотрел на Ивана мудрыми, горящими глазами.

– Человечность! – снова вздохнул Мертвец.

Тощие люди опять втоптали мертвеца в грязь, попутно настигнув обезумевшего от происходящего Ивана. В ночи раздался оглушительный визг Самого Высокого Тощего Человека с белоснежными зубами.

– К Макару его! – пропищал Самый Высокий Тощий Человек, – Он должен преклонить голову перед Идолом Вечности!

Тощие люди взяли Ивана на руки, и, обуреваемые страстью и величием своего «повелителя», гордо понесли по заводским руинам, призывая кланяться и ликовать всех местных призраков.

КОКТЕЙЛЬ

Янке повезло прийти в себя в более спокойной обстановке. Она не лежала в кровати, укрытая бесноватой тенью негативных воспоминаний, за ней не гнались рьяные фанатики, создавшие себе идола, и бередящие без того сильно натянутые струны этой по истине кровожадной и судьбоносной ночи. Яна сидела на стуле, в коридоре, прямо над ней барахтались от холодного ветра красные огоньки, висевшие на длинных черных проводах, уходящих в укрытый тьмой потолок. Просторный коридор завален рамами для картин, бочками,

малиновыми, бордовыми и розовыми шторами, в которых прятались швабры, ведра, кажется, еще что-то, но, просто так определить невозможно. На стенах висят портреты чудовищ разных мастей: один, волосатый, рогатый, в его пасти головы людей. На втором портрете богатырь, держащий на руках поднос, а на нем руки, ноги, глаза. Янка смотрела на них, ужасалась и передергивалась, все время отвлекаясь на дуящий с улицы ветер.

В глубине коридора раздавались громкие голоса, играла музыка. Этнические мотивы: балалайка, гусли, даже аккордеон. Янке стало любопытно. И страшно. Но, куда деваться? Девушка понимала, что она все еще на территории завода, что на улице льет ставший вечным ливень, и одиночество ее текущая компания. Разбить которую возможно, если пойти на голоса и музыку. Разумеется, Янка задавала в своей голове вопрос: «Откуда на разрушенном заводе возьмется концертное мероприятие?». В теории устроителями кошмарной вечеринки могут быть сатанисты, но, Макар оторвал им головы, а, новые еще не успели прийти. Янке любопытно.

Встав со стула, девушка рухнула вниз, уткнувшись лицом в табличку, запорошенную пылью, грязью и ошметками кирпичей. На табличке указана надпись: «Дом Культуры Парового завода». Как минимум – интересно. И резкими движениями Янка подняла свое помятое тело над табличкой, выпрямилась, поправила прическу (впрочем, комки грязи из волос все равно не вытащила). Дошло до того, что

героиня сымитировала, будто бы она красит губы и пудрит нос! Почти пантомима, эх, надо было Янке идти в актрисы!

– Кто же там так веселиться? – спросила Янка звонким голоском, уверенно прошагав по коридору вперед.

Просторный коридор завершился большим залом с темно-красным занавесом. Стены облезлые, под потолком «поселилась» густая зеленая растительность с недобрыми лязгающими звуками, что издают ее стебли. Весь зал заставлен столиками, рваными диванами, кроватями. Строго посередине зала стоит бар, где суетится Бармен с окровавленным лицом. Бармен расставляет бокалы, конструирует коктейли, гремит посудой под барной стойкой, даже пару чашек умудрился разбить. Яна подходит к барной стойке, садится на стульчик, закидывает одну ногу на другую, и уставилась на Бармена. Бармен застыл на месте, смотря на Яну, его лицо покрылось волдырями и заходило ходуном от эмоций.

– Чего тебе? Ты еще живая! Я тебя не могу обслужить! – возмущенно пролепетал Бармен, разбив третью чашку подряд.

– А что здесь происходит? Что-то интересное? – спросила язвительным голоском Янка, хотя внутри жутко боялась. Она понимала необычность ситуации, и от этого ее вопрос Бармену выглядел очень натужным и неуверенным.

– Я жду гостей. Они будут здесь с минуты на минуту. А ты что здесь делаешь? Быстро, шагом марш, отсюда! – грозно фырчал Бармен, пригрозив указательным пальцем Яне.

– Гости? Вечеринка? Я люблю вечеринки! Парни красивые будут? Я заплачу за выпивку! – радостным голосом лепетала Яна, в то время, как внутри была готова просто закричать от страха.

– Заплатить? – задумчиво произнес Бармен, встав по стойке смирно, смотря в глаза Янки – в них четко читалась паника.

Бармен достал из-под барной стойки три бутылки, большой стакан, отрезал ломтик лимона, попросив Яну подержать его.

– Я сделаю тебе коктейль. Ты выпей его, лимоном закуси. Как выпьешь, придут гости. Тогда и начнем вечеринку! – Бармен произнёс эту фразу, словно змий искуситель. В его голосе был манящий призыв взять в руки стакан, наблюдая, как по его стенкам течет вкуснейший коктейль.

– Этот коктейль называется «Ирий», я его даю лишь самым лучшим гостям. Ты – самый лучший гость! – гордо заявил Бармен, наливая в стакан ингредиенты из разных бутылок, – Только за коктейль и гостеприимство нужно заплатить!

– Но, у меня нет живых денег сейчас! Я могу потом, привезти, – неуверенно произнесла Яна, осознав, что немного взболтнула лишнего, сказав про «я заплачу!».

Бармен резко вырос, раздался в размерах, его лицо набухло от гнева, а глаза почти выпали из своих мест.

– Ты приходишь сюда, требуешь вечеринку, выпивку, обе-

щаешь заплатить, но, потом увиливаешь от этого! – злобно прорычал Бармен.

– Я лучше не буду, можно? – спросила Янка, уже со слезами на глазах, стараясь откатить все до «статуса кво».

– Отрицание не признается в этих чертогах, – покачал головой Бармен.

Бармен тряхнул три раза стакан. Поставив его перед зареванной Янкой, Бармен вытянул шею, фактически прикоснувшись своим красным и облупленным носом к носу героини.

– Коктейль, дорогая! Раз живых денег нет, плати душой, – сухо и без эмоций сказал Бармен.

– Я не буду, – тихо прошептала Яна.

– Что? Не слышу?! – Бармен вытащил из-под стойки большую трубу, приставив ее к своему уху, – Скажи еще раз!

– Я не хочу! – прокричала Яна, одной ногой вступив на пол – девушка приготовилась бежать.

Бармен убрал большую трубу, широко улыбнулся, треснув кулаком по столу.

– Отрицание не признается в этих чертогах, – повторил свою фразу Бармен.

Яна поникла. Ее лицо опустилось, а руки вжались в кулачки. Яна не хотела смотреть на коктейль, цена которому – ее душа.

– Он слишком дорогой, – прошептала Яна.

Яна слезла со стула, и тут же, увидела недобрый взгляд

бармена.

– Коктейль уже создан, я потратил на него время и силы, – возмутился Бармен, – Выпей его, мне нужен акцепт, дабы забрать твою душу!

Яна резким взмахом руки столкнула коктейль вниз. Стакан разлетелся на многочисленные осколки. Яна смотрела на них, довольная такая, улыбка до ушей, кожа на лице приветливо покраснела. Девушка поднимает голову на Бармена, и с истошным визгом отшатывается назад. Перед ней стоят два больших стакана с тем же самым коктейлем!

– Второй штрафной! Еще раз разобьёшь, будешь пить уже три стакана! – гневался Бармен, разбив четвертую чашку.

– Бред какой-то! – усмехнулась Яна.

– Сама же сказала, что заплатишь. Выпей, давай, он очень вкусный. Я его с любовью сделал! – крикливо пробормотал Бармен.

Яна схватила один стакан с коктейлем, грозно посмотрела на Бармена, и снова разбила его. Взяв второй стакан, Яна хотела сделать то же самое, но ее лицо сильно напрягается и бледнеет. Второй стакан выскользывает из руки Яны на пол. Девушка с криком отбегает от барной стойки, держась за вторую руку – на ней отсутствовал указательный палец. Кровь сочилась из ранки непрерывающимся потоком. Яна вспотела, едва держалась на ногах. Она крутилась по кругу, словно искала что-то. Ее глаза вновь устремляются на Бармена, держащего в одной руке острый и окровавлен-

ный нож, а в другой указательный палец!

– Я все равно заберу твою душу, сразу, или по частям, – довольным голосом верещал Бармен, разглядывая отрубленный палец, – Красивый. Сразу видно, ты следила за своим телом, не то, что некоторые, здешние завсегдатаи. Вечно приходят, будто вчера умерли. Могли бы уже привести себя в порядок! Вот ведь, люди, даже после смерти остаются такими же неряшливыми!

– А ты, что, не человек?! – с презрением в голосе спросила Яна, подойдя к барной стойке, шатаясь.

– Ну, не буду же я стоять за баром, в своем истинном облики. У меня рога, копыта, хвост, еще две руки, чуть пониже. Велес и Чернобог дали указание держать такой облик. Он немного тесноват, но, ничего. На прошлом объекте было тело бабульки с клюшкой. Я в качестве призрака шугал самоубийц в заброшенной психушке. Трех спас, четверых сожрал. Нормально! – Бармен с удовольствием рассказывал свою историю, чем умудрился несколько успокоить порядком озлобленную Янку.

Яна не заметила, как перед ней стояло уже три больших стакана с коктейлем.

– Лучше выпей. А то следующим будет мизинчик. Я очень падкий на мизинчики, бусы из них делаю! Как раз одного не достает! – пробормотал нежным голоском Бармен, дразняя Янку ее же отрубленным указательным пальцем.

Яна смотрела на Бармена очень круглыми и огненными

ми глазами. Она свирепела от желания причинить Бармену боль, какую он еще не испытывал. Девушка даже придумала как это сделать: схватить его за волосы, ударить лицом об стойку, разбить один из стаканов, и, осколком перерезать горло. Безупречный план портило два факта: 1. Бармен не человек, о чем он уже сказал (но, в сознании Яны это не отложилось из-за гнева); 2. Бармен знал о ее плане, что сводило эффект неожиданности к минимуму.

Яна решалась целую минуту на свою вендетту. Шестьдесят секунд стоили девушке слишком дорого: когда минута прошла, Яна резко срывается, выпивает первый стакан с коктейлем. Весь план стирается в труху. Яна всегда любила вставить свое крепкое словцо, иногда невпопад. Также случилось и с коктейлем, повторилось с ее вендеттой по отношению к Бармену. Героиня поняла это уже после второго стакана коктейля, смотря, как Бармен расплывается в довольной улыбке.

– Еще один, дорогая! – ласково произнес Бармен.

– Ненавижу! – фыркнула Яна, выпивая третий стакан коктейля.

– Кого? Себя? Мир? А, может быть, свою душу? – Бармен от радости своей победы достал бутылку с вином, вытащил пробку, словно приготовившись ее разлить.

Ибо было для кого. После того, как Яна поставила третий стакан на барную стойку, в зале появились долгожданные гости. Бледные, упитанные люди, разбавленные неболь-

шим процентом высоких и тощих «соплеменников». Люди сидели за столиками, на кроватях и диванах, молча смотрели на Яну, как на музейный экспонат, внимая каждое ее движение. После трех стаканов коктейлей, Яна почувствовала себя изрядно пьяной. Шатаясь, девушка слезла со стула, громко начала смеяться и тыкать указательным пальцем уже другой руки в каждого гостя.

Бармен величаво вышел в зал, держа в руках свой острый нож. При помощи него Бармен заберет душу Яны. Но, не тут то было. Среди бледных людей оказался он – Маньяк. Мускулистый мужик, одетый в красную до пола мантию, в черных начищенных ботинках. Лицо закрыто белой бумагой, волосы затянuty обжигающей жижей, постоянно дымятся. Вооружен двумя пистолетами, за спиной два длинных меча, которыми Маньяк любит пытаться и истыкивать жертв.

– Она принадлежит Макару! – прошипел Маньяк, подбежав к шатающейся Яне, и приставив один из пистолетов к ее виску.

– Она мне должна душу! Я ей коктейли сделал! Кто заплатит мне за них?! – прорычал Бармен, – Я подам жалобу Велесу и Чернобогу на тебя!

– Лучше уйди за стойку, пока я не отправил твою жалкую сущность через Смородину-реку, туда, откуда ты пришел! – продолжал шипеть Маньяк, тыкая пистолетом по виску Яны.

– Замечу, мой дорогой друг, ты, тоже оттуда явился, – ёрничал Бармен.

Маньяк ничего не ответил. Он просто нажал на курок. Раздался громкий хлопок. Из головы Яны жирными потоками текла кровь. Маньяк отпустил девушку, направив пистолет на одного из бледных людей, с длинными волосами.

– Назови свое имя! – прошипел Маньяк.

– Эдик! – икнул бледный человек с длинными волосами.

– Отведи девушку к Идолу Вечности! – приказным тоном прошипел Маньяк.

Яна не упала. Ее голова просто наклонилась влево. Из места, куда выстрелил Маньяк, текла кровь, заливая лицо девушки. На лице Яны расплылась безумная улыбка. Тело девушки безропотно моталось из стороны в сторону. Эдик, осторожно подбежав к девушке, испуганно посмотрел на Маньяка, важно мотающего мечом по воздуху, будто бы намекая: шаг влево, шаг вправо и голова с плеч. К Яне подошел Бармен, держа в руке пробку от бутылки вина.

– Все-таки выпила коктейль за счет заведения, – проохал Бармен, и резким движением руки вонзил пробку в дырку от пули, на виске Яны.

Яна резко пришла в себя, выпрямилась, удивленно посмотрев по сторонам.

– Почему так трещит голова? – спросила Яна, смотря на Бармена.

Девушке никто не ответил. Лишь Эдик вежливо взял Яну за руку, уводя из зала.

– Афраний занесет тебе денежку, расслабься, – внезапно

приятным голосом сказал Маньяк, смотря на грустного Бармена, разбившего пятую чашку за сегодня.

ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ ДУШ

Марте повезло еще больше, чем другим. Девушка оказалась перед входом в Госпиталь Парового Завода. Стальные двери, массивная колоннада по бокам, забитые досками окна (как в Общежитии №1!). Можно ли считать это удачей? Относительно. Ливень не давал выбора Марте в том, куда идти, потому, открыть двери госпиталя казалось самой разумной мыслью. Хотя героиня осознавала, что сойти с ума в дверях брошенного больничного блока проще пареной репы. А, куда деваться? Марта этого не видела, но за ее спиной, в стене дождя молча стоял Дюбель Аркаша, охотно махающий своим топором. Сделать из девушки нарезку мяса для Дюбеля Аркаши самое желанное действие. Не видя призрака, но, чувствував неладное за спиной, Марта все больше склонялась к логике того, что под крышей комфортнее. Не факт, что безопасно, зато немного сухо.

Отворив двери в госпиталь, Марта тотчас поняла: скучно не будет. Маленький коридорчик имел своего «приветливого швейцара» в виде висящей в воздухе девочки. На вид, ей лет восемь, глаза завязаны белой тряпочкой, на рваном платье следы от крови, ноги связаны веревками. На груди девочки висит табличка: «Паноптикум». Очень тонкий намек, Марта оценила это, сделав натужную улыбку.

– Мне бы вернуться к своим! Я должна заботиться о своих

сестрах! – пробормотала Марта вслух.

Коридорчик продолжился вытянутой залой, с серыми стенами, скамейками, грудой мусора, разбросанной в беспорядке чьей-то одежды. Зала увенчана регистратурой, которая очень хорошо освещена, что по меркам inferнальной брошенной заводской территории невиданное доселе явление. За регистратурой стоит одинокая Медсестра. Тошная, бледная, молодая, с каштановыми волосами и ободранными руками. Медсестра стоит, будто не живая, не шелохнется! Марта осторожно подошла к регистратуре, положив руки на окошко. Медсестра неожиданно ожила, напрягла свое морщинистое лицо, посмотрев безумным взглядом на Марту.

– Однажды дала волю одной мысли, так и стою на месте, будучи ее заложницей, – громко возмутилась Медсестра, эмоционально махая и стуча руками по столу.

Медсестра замолчала. Ее лицо вспотело и покрылось волдырями. Она вновь застыла, став похожей на восковую фигуру. Слева от регистратуры, перед Мартой возник из темноты длинный коридор, испещрённый кабинетами врачей. Коридор освещен красными лампочками, весьма грязноват, на стенках много трещин. В первом кабинете на кушетке сидит Петр Аркадьевич, со стрелой в голове. Рядом суетится Толстая Медсестра, бледная, зато сильная. Медсестра пытаешься вытянуть стрелу из головы Петра Аркадьевича.

– Да ты тяни сильнее, мне не больно! – подбадривал Тол-

стю Медсестру Петр Аркадьевич, – Я знаешь где бывал? У-у-у, я бы тебя туда сводил. Там красиво. Я по пустыне на машине путешествовал.

– Может, помолчите? А то, ваши мысли стрелу удерживают! – прохрипела Толстая Медсестра.

Во втором кабинете на операционном столе сидит Маша. Вокруг нее крутятся трое врачей, собирающих по крупицам девушку. Маша держит руками свое лицо – его закрепить еще не успели, потому оно постоянно распадается. Девушка пытается говорить, но, благодаря неправильно вставленной нижней челюсти больше получается хрипеть.

– Кажется, нижняя челюсть не ее, – задумался один из врачей, оторвав от лица Маши кусок щеки, – О! Он плохо приклеился, нужно заново ошкурить.

В третьем кабинете в кресле сидит Кирилл со стрелой в горле. Все кресло залито кровью, рядом сидит врач, слушает пульс. У врача с головы спадают волосы, этот процесс кажется бесконечным, так что лысины не видно совершенно. Зато в ногах у врача уже целая подушка образовалась!

На небольшой кушетке, стоящей в небольшой нише коридора, сидит перебинтованная бабушка из автобуса, порубленная Дюбелем Аркашей. Рядом с ней укрытое одеялом тело, очень бугристое и неровное, будто бы собранное из разных частей, как конструктор. Бабушка увидела Маргу, выпучила глаза, и своей перебинтованной рукой стащила одеяло на пол. На кушетке лежит ее внук, точнее то, что от него

осталось – груды частей тела, разных форм, разного состояния. На них еле-еле падает красноватое освещение коридора. Марта с ужасом отбежала от кушетки, врезавшись в мощную фигуру богатыря. Высокий, растекшийся по стенке коридора, богатырь окутан в тяжелую броню, укрыт щитом и держит в руке длинное и острое копьё. Лицо богатыря никак не освещалось, спрятано тьмой, и что там, Марта не ведала. Обойдя богатыря с боку, Марта увидела толстые цепи, захватившие его тело. Цепи уходили трещину стены, откуда дул жутко холодный ветер.

– Не смотри в трещину, там Пустошь! – прострекотал богатырь, перевернувшись на левый бок, обронив свой щит на пол.

– Что за Пустошь, и почему ты на цепях сидишь? – задавала вопрос Марта, прекрасно понимая, что все вокруг имеет inferнальное происхождение, но любопытство тянуло за язык.

– Тебе там не место. Просто не смотри в трещину, иначе и твою душу туда утащат, – пространно ответил богатырь, обронив следом за щитом и свое копьё.

Следующий кабинет расположен за маленькой залой, в которой горит огонь. Вокруг огня сидят бледные врачи, пристально следящие за огнем. К удивлению Марты, огонь не был постоянным – пламя меняло образы один за другим: человек, некое непонятное животное, с рогами, множеством копыт, геометрические фигуры. Врачи почувствовали при-

сутствие Марты за спинами, и, с лязгающим звуком повернулись к ней.

– Сестра пришла! Надо сообщить об этом Макару! – хором прострекотали бледные врачи.

Один из врачей вскочил на ноги, встрепенулся, и шагнул в огонь. На его место, из темноты залы, освещаемой мерцающими красными огоньками, выплыл другой бледный врач. Он сел на место своего ушедшего в пламя товарища, также пристально начав смотреть на огонь.

Кабинет, расположенный за малой залой самой большой, но, при этом, самый жуткий. На стенах висят портреты людей в разрезе: видимо, когда-то здесь размещался учебный класс для интернов. Под потолком висят три ярко розовые лампочки, отчего весь кабинет похож на класс детского сада, только расположенного в психиатрической лечебнице. Посередине кабинета на стуле сидит Павел Борисович, крепко держащий в руках тугий узел из толстых веревок. Нити веревок расходятся на три линии, и обматывают тела трех женщин: Тани, жены Павла Борисовича и двух его дочерей. Все герои находятся в полной статике, даже не дышат. Такое стойкое ощущение, что перед тобой восковые фигуры.

– Марточка, идем играть, я уже убралась! – раздался звонкий голосок Янки.

Марта отдернулась от кабинета, в котором находились Павел Борисович с семьей. Девушка остервенено начала осматриваться по сторонам, выискивая свою младшую сестрен-

ку в столь мрачном месте. Внимание девушки приковывает громкий рокот, доносившейся из дальней части коридора. Здесь, посреди огромной площади, бывшей когда-то лекторием, полукругом стоят осколки колонн, поддерживающих в не столь отдаленном прошлом потолок. Теперь, бывший лекторий постоянно заливает сильный дождь, как сейчас. Со стен лектория неприветливо смотрят корявые рожицы причудливых существ. Их отличительной чертой были острые клыки и безумное выражение глаз. На тех местах, где когда-то сидели студенты-медики теперь груды руин, над которыми возвышаются две фигуры, освещаемые жаровнями. Сами жаровни опоясывают фигуры по ромбоидальной траектории. Первая фигура – это высокого роста старец, с железной прядью волос, с красными глазами, с истекающим кровью носом и острым подбородком, увенчанным рядом клыков. На его левом плече сидел черный ворон, на другом Змей Горыныч. Ряса старца звенела невыносимым металлическим звоном на всю округу. В одной руке у него посох, в другой черная сфера, из которой доносятся крики и стоны. Это Чернобог собственной персоной. Своим красным взглядом он окидывал лекторий, словно выискивая кого-то чужого.

Вторая фигура – высокий и мускулистый богатырь, с бородой и длинными волосами, в розовой мантии, с желтыми оборочками. На голове веночек, в руках деревянный посох. На плече восседает милый старичок в оранжевом кафтанчи-

ке и каштановой шевелюрой. По кругу мантии носится молния, то и дело прячущаяся в ладошках милого старичка. Это Велес, сама светлость и надежда бренного и мрачного мира. Его добрые, голубые глаза смиренно смотрели на небо, щеки подтянуты ввысь, образовав на лице искреннюю, легкую улыбку.

Перед Чернобогом и Велесом на коленях стоит Мертвый богатырь, сзади него, расплатившись на валуне, лежит Афраний, мотая ножкой и поглаживая свой лук. Мертвый богатырь склонил голову перед божественными сущностями, что-то шептал губами, от этого рядом с его лицом играли дождевые капли, соединяясь друг с другом в водные сферы, зависая в воздухе на секунды, будто бы давая миру насладиться этой красотой.

– Время идет к рассвету, – нежным голосом сказал Велес, опустив свой взгляд на Мертвого богатыря, – Пора вести экскурсантов к Идолу Вечности.

– Проследи за тем, чтобы было как можно больше жертв! – пробасил Чернобог, из его глаз сверкнула красная молния, разорвав на части пару валунов.

Мертвый богатырь послушно качнул головой, выпрямился, украдкой коснулся рукой до Афрания – скрюченной мертвец тотчас вскочил, встав рядом с богатырем.

Всю эту сцену видела Марта, следя за героями из-за угла коридора. Она увидела, как Велес и Чернобог растворились в стене дождя, а после, по госпиталю пронесся громкий ро-

кот.

***

– Привет, красавица! – раздался знакомый голос за спиной Марты.

Маленький привет из прошлого. Это Ваня, тот самый Ваня, что страдал больше всех за знакомство с сестрами Полосковыми в автобусе, попробовал стать лидером экскурсантов, когда началась эта мистическая чехарда, и влюбился в Янку, лелея в мыслях о самом желанном – встретить с ней рассвет. Но, теперь этой другой Ваня. Бледный, немного раздавшийся в размерах, с рваной одеждой, с нездоровым блеском в глазах. Ваня стоял перед Мартой, улыбался своими желтыми зубами, показывая длинный и розовый язык. За Ваней стояла «рота» бледных и тощих людей, для которых юноша стал лидером. Они готовы ради него на все! Так он им понравился, так он произвел впечатление.

– Я тут подумал, может, пойдешь с нами? – спросил Иван, протянув Марте свою руку.

– Что с тобой случилось? – с содроганием в голосе спросила Марта, разглядывая лицо Ивана.

– Стал лучше. Стал красивее. Мужественнее. Я стремился выделяться, вот, добился своего! – гордо заявил Иван, окинув стоявших за ним бледных и тощих людей.

– Прощлый ты нравился мне больше, – угрюмо пробурчала Марта, медленно обходя Ивана и его свиту стороной.

– Seriously? Что-то я не помню этого. Только твой недо-

вольный и сверлящий взгляд, – иронично высказался Иван, вдруг заметив, что Марта уже брела по коридору, шарахаясь от теней, тощих людей и красных лампочек.

– Стой! Ты куда? – визгнул Иван, показав своей свите, что девушку надобно остановить.

– Мне надо найти Свету и Яну! – послышался крик Марты, – Они мне дороже, я за них отвечаю!

Иван опустил руки, напряг лицо, после чего растворился в темноте коридора. Марта постепенно увеличивала шаг, ей постоянно слышался голос Яны. Для Марты это был сигнал о том, что с сестренкой не все в порядке. Хотя, иногда, девушке казалось, что не все дома у нее самой: заводской госпиталь отчаянно напоминал психиатрическую лечебницу в момент, когда ее пациенты решились поднять бунт. Обстановка давящей меланхолии сводила мысли Марты к итоговому общему знаменателю, с которым стоит Медсестра в регистратуре. Правда, чувство шизофрении тотчас улетучилось, когда по коридору, за Мартой, шли все мертвые курсанты. Большая толпа, не помещающая в коридоре, от того, многие мертвецы просто растекались по стене, размазываемые своими «соплеменниками». Завидев погоню, Марта кинулась бежать к выходу. Возле регистратуры Марту уже ждал Маньяк, с десятков тощих людей и Иван, стоящий впереди всех с безумной улыбкой и часто моргающими глазами, из которых текла кровь.

– Мысль вновь съела разум и мир вокруг, – громко воз-

мутилась Медсестра. Она сказал это, шевеля лишь ртом, все остальное тело осталось неподвижным.

Главное потрясение Марту ждало за толпой тощих людей. Речь идет о Яне, которую за руку держал длинноволосый и тощий Эдик. Они стояли возле стены, облокотившись на нее. Яна больше была похожа на зомби, ее взгляд странно смотрел сквозь толпу, лицо не выражало никаких эмоций, лишь изредка подергивалось от судорог.

– Янка! – крикнула Марта, бросившись к Яне.

– Не спеши! – прорычал Иван, кинувшись на Марту, свалив ее с ног.

– Вы все сошли с ума! Мы уйдем отсюда! – гневно выпалила Марта, скинув с себя Ивана.

Марта прорвалась сквозь толпу тощих людей, ударила Эдика по животу ногой, отчего он загнулся, упав на пол. Яна, оставшись без руки Эдика, потекла по стене, вниз. Марта схватила сестренку за талию, нежно обхватив лицо. Нашупав вбитую в висок пробку, Марта взревела, словно сирена на военной базе. Героиня испуганно смотрела на приближающегося Маньяка, махающего саблей, на Ивана, улыбающегося на все тридцать два зуба, на лежащего рядом Эдика, грызущего ногти, ибо ему очень страшно.

– Мы скоро прикоснемся к нему! – улыбнулась Янка, сказав блаженным голосом.

– К чему?! – злобно спросила Марта, прижав Яну к груди.

– К Сосуду Ярости! – восторженно заявила Янка, и от ее

фразы пошла мощная звуковая волна. Толпа бледных людей рухнула на землю, в регистратуре лопнули стекла, а Медсестра развалилась на части.

– Я так долго ждала этого! – радостно прозвенел голос Медсестры.

За фигурой Маньяка пряталось нечто. Тощее, высокое, очень грязное, красного цвета существо. Инфернальное, неживое. Одетое во врачебную форму, но без нижней челюсти, что только язык барахтается из стороны в сторону.

– Доктор, у нас вышедший из-под контроля экскурсант! – пролепетал Иван, ведя существо за руку из-за спины Маньяка.

У Доктора вместо глаз просто дырки, вместо ушей окровавленные пятна. В руке Доктор держит пустой шприц.

– Это для тебя, Марта. Приготовься к путешествию за завесу этого мира! – важно произнес Иван, указав рукой на шприц, и торжественным взглядом посмотрев на Маньяка, довольно махающего мечом над головой.

– Какое еще путешествие? – возмутилась Марта, даже встав в полный рост, потянув за собой Янку.

Доктор, словно резиновый, раскачиваясь из стороны в сторону, прошуршал к Марте, выставив вперед пустой шприц. Марта не стала дожидаться окончания действий со стороны инфернального Доктора, и, рванула к выходу, дернув за собой Янку. Младшая сестричка не особо желала уходить, ее блаженное лицо повернулось к Ивану – пар-

нишка поспешил ухватить девушку за руку, потянув на себя. В результате, Янка оказалась в центре, растягиваемая на две части. Янке это даже нравилось, она начала громко смеяться, трясти головой, требовать больше вкладывать силы в растягивания Марту и Ивана. Предчувствуя недостачу сил, Марта дала волю слезам. Ее хватка начала ослабевать, и Иван, оттянув Янку к себе, не стал ловить ее, а, дал девчужке со шлепком рухнуть на пол.

– Какая игривая! – улыбнулся Иван, хлопнув в ладоши.

Марта скривила лицо, надула щеки, выдавив из глаз ровный и четкий поток слез. Сжав кулачки, Марта по диагонали пробежала к Янке, подняла ее на ноги. Каково же было ее удивление, когда перед ней стояла не ее родная младшая сестра, а Иван! Невероятным образом Иван и Янка поменялись местами, и Марта, сама того не замечая, подняла не того, кого надо.

– Привет, красотка! – визгнул Иван, заломив Марте руки.

Иван склонил Марту на колени, прислонив к еле поднимающейся с пола Янке. Обе сестры сидели, прислонившись спинами друг к другу.

– Я сдаюсь! Все мое внутреннее состояние разорвано в клочья! – взревела Марта, закрыв глаза. Но внешняя паника еще не показатель – Марта блефовала. Позволив Ивану и Доктору приблизиться, Марта решила на последний, отчаянный шаг, дабы спасти и себя, и сестру. Едва Доктор наклонил свой резиновый корпус к Марте, девушка отталкива-

ет его с яростным криком, выхватив из руки пустой шприц. Его Марта вонзила Ивану в глаз – парнишка задергался, запаниковал, рухнув к лежащим на полу тощим людям без чувств. Ставя Янку на ноги, Марта краем глаза обратила внимание, как Доктор изогнулся назад, достав головой до пола. Выгнувшись обратно, Доктор внезапно обрел нижнюю челюсть.

– Сильная чертовка! – раздался скрип Доктора.

– Крайний раз я такую на части разрубил лет триста назад, – прошипел Маньяк, махая мечами, – Не стал дожидаться, пока ее усмирят тощие люди.

– Они слабы, – проскрипел Доктор, осматривая Ивана и его тощих людей, разлегшихся на полу.

– Эта девица смогла отнять твою вещь! Забери ее, и используй по назначению! – приказным тоном прошипел Маньяк, указав мечом на Марту, – Иначе я и тебя на куски разрублю!

– Оставь свой гнев для других, это мой госпиталь, моя вотчина! – рыкнул Доктор, оторвав свою нижнюю челюсть, и бросив в Маньяка. Маньяк отлетел к регистратуре, сложившись в большой и неприятный окровавленный комок. Доктор важно прошуршал к Ивану, вытащив шприц из него вместе с его глазом.

– Какая мерзость! – возмутилась Марта, стоя напротив Доктора, спрятав за своей спиной еле стоящую на ногах Янку.

Доктор скинул глаз со шприца в сторону, щелкнул пальцами, и... испарился. Тощие люди молча встали, подняли Ивана, и, вместе с остальными мертвыми экскурсантами, среди которых были и Павел Борисович, и Кирилл с Машей, побрели куда-то на улицу, шаркая ногами и качаясь из стороны в сторону.

Возле регистратуры, из комка в свой прежний облик вернулся Маньяк. Словно выискивая невидимку, Маньяк махал своими большими руками по воздуху, извиваясь и подпрыгивая. Когда толпа мертвых экскурсантов растворилась в стене дождя, во входной арке госпиталя появился Дюбель Аркаша. Завидев живых девушек, Дюбель Аркаша кинулся к ним, разрезая воздух топором. Марта оцепенела, просто молча смотря на бегущего на нее призрака бледным и затвердевшим от напряжения лицом. Перед девушками вырастает фигура Маньяка, держащего в руках острые мечи. Дюбель Аркаша с криком: «Я сын Чернобога!» ударяет топором об мечи Маньяка. От ударов топора от мечей по зале залетали искры. Маньяк с тяжелым вздохом оттолкнул взмахами мечей Дюбеля Аркашу на несколько шагов назад.

– Я сын Чернобога! Как ты смеешь вставать на моем пути! – рычал Дюбель Аркаша, бегая по зале, стараясь найти удобную траекторию для удара.

– Сыну Чернобога не стоит залезать в дела божественных сущностей! – прошипел Маньяк, черканув мечом по полу. Отлетевшая от него искра сразила Дюбеля Аркашу, оторвав

несколько пальцев.

– Тебе конец! – голосом чудовища сказал Дюбель Аркаша, но, сделать следующее движение уже не смог – метким движением, Маньяк пригвоздил призрака к стене своим мечом. Меч торчал в груди Дюбеля Аркаша, призрака это даже веселило и приводило в восторг.

– Не мешай удерживать хрупкий мир на краю пропасти, – прошипел Маньяк, заметив, что Доктор все же вернулся в «физическое» тело, очутившись возле Янки.

Янка делает крутой разворот по своей оси, схватив Марту за горло руками. Марта визгнула, но, сказать ничего не могла. Она безропотно сопротивлялась, стараясь противиться действиям родной, младшей сестры. Доктор величаво вырос перед Мартой, сделав взмах своим шприцем.

– На самом деле, шприц наполнен сонным снадобьем, – щебетала Янка, сдавив горло Марты еще сильнее, – Это ты видишь его пустым, а, Доктор наполнил его в своих мыслях, да поверил, сильно-сильно в это!

Доктор взял руку Марты, нащупал вену, вонзил в нее шприц, и медленно стал вводить «снадобье». Через несколько секунд, Марта обмякла, ее глаза заполнила пелена, а рот раскрылся, приняв форму безумной улыбки. Сделав свое дело, Доктор скрылся за регистратурой. Маньяк вытащил меч из груди Дюбеля Аркаша, причем с такой силой, что кровь фонтаном забила из тела призрака. В залу громко вбежал Эдик. Виновато посмотрев на Маньяка, Эдик, сгорбившись,

подбежал к Марте и Янке.

– По заводу еще трое бродят! – икнул Эдик, взяв две сестры за руки.

– Я ими займусь! – прорычал Дюбель Аркаша, поспешив скрыться в коридоре.

– Бестия окаянная! – буркнул Маньяк, посмотрев вслед призраку.

– Скоро рассвет! – раздался звонкий женский голос в округе.

***

Седая, летняя ночь, укрытая бесконечным дождем. По лабиринтам руин Парового завода длинной кишкой бредет группа экскурсантов. Ее ведет Иван, без одного глаза, изрядно сгорбившийся и откровенно уставший. За ним почти все пассажиры автобуса экскурсионной фирмы «Мисса». Ни живые и ни мертвые, экскурсанты, ждали слов Чернобога и Велеса, перехода через Смородину реку, по Калинову мосту, на другой крутой бережок. Госпиталь завода стал своеобразным перевалочным пунктом, эдакой контрольной точкой на пути к Цеху №5, где стоит Идол Вечности.

Достигнув Цеха №5, Иван кубарем покатился в небольшой овраг, откуда его выкинули назад серые тонкие руки, растущие в нем, словно трава. Нехотя, Ивану пришлось смириться с ролью лидера – такова уж участь тех, кто встал во главе чего-то большого и великого, и, махнув своей тощей, почти костлявой рукой, указал на огромное здание це-

ха. Он отличался от других своими исполинскими размерами. Его шапка уходила в черное ночное небо, а своей формой цех напоминал замок, будто бы стоящий на горе. Вход, обрамленный необычной для заводского здания архитектурой с узорами и скульптурами людей, зверей и животных, а также наличие пирамидальной кладки вокруг раскатистых окон заставили героев непроизвольно открыть рты от удивления. Но своеобразие архитектуры цеха еще малая толика боя: то ли от стены дождя, то ли от усталости и голода, то ли отчего-то еще, создавалось ощущение, что цех невидимый. Через некоторые его части просматривалось черное небо, местами прокрадывались очертания совсем других построек. Иван развернулся перед экскурсантами, едва ли не приняв на себя облик мудрого сказителя, собравшегося поведать о постройке за его спиной. Три раза хлопнув в мокрые ладоши, Иван, как и его экскурсанты оказались на небольшое мгновение в крошечной тьме. В ней были слышны различного рода крики не самых дружелюбных существ. Но, тьма быстро прошла. И, экскурсанты оказались в просторной зале Цеха №5.

***

Потолок просторной залы увенчан различными огромными геометрическими фигурами. По стенам залы текут освещающие ее реки лавы. Из углов помещения выходят массивные каменные человеческие ладони, распростертые кверху. На ладонях стоят мужчины, женщины, дети, одетые в длин-

ные белые робы. Их лица окрашены в черно-белый цвет, глаза выделены ярко красным, а волосы свернуты в клубки, увенчанные рваными серыми бантами. Сама зала прорежена десятками колонн, прерываясь по центру, где образована небольшая площадь с метровым выступом в высоту. Зайти на эту площадь возможно только по лестнице, по краям которой стоят горящие жаровни. По центру небольшой площади стоит идол. Его верхняя часть оформлена в виде округлой шапки с меховой опушкой. Под шапкой расположены три лица. Идол разделен на четыре горизонтальных яруса. На грани нижнего яруса изображены различного рода события: рождение ребенка, строительство дома, наблюдение за звездами, казнь человека. На среднем ярусе, с трех сторон есть выемки для сосудов. Их четкие, строгие очертания, зауженные по середине, но широко расходящиеся сверху и внизу, отражают текущую по стенкам залы лаву. На самом верхнем ярусе наиболее крупные изображения могучих существ с крыльями, старцев с посохами и длинными бородами, диковинные пейзажи с перевернутыми вниз горами и деревьями. Сам по себе, идол довольно «толстый», высокий, хорошо заметный с любого угла залы, от «фундамента» которого, по площади расходятся трещины, из которых произрастают тонкие, серые, с острыми когтями руки. На пальцах некоторых рук надеты кольца, ожерелья, браслеты. Снующие между ними еле заметные, бледные тени, ухаживают за руками, очищая их от пыли щеточками. Одна из бледных

теней даже три раза чихнула, на что ее сестры дружно воскликнули: «Будь здорова, сие есть к счастью!»

ВСАДНИК АПОКАЛИПСИСА

– Про меня, наверное, все забыли! – пропищал жалким голоском Николай, вместе с тем, широко и ехидно улыбнувшись.

Перебравшись по мостику из дощечек в соседнее здание, Николай едва не рухнул в дырку в полу. Обойдя ее, Николаю пришлось ползком добираться до конца коридора из-за обилия кусков плит, загромоздивших потолок. В конце коридора Николая встретили падающие стены – в лучших традициях приключенческого боевика, герой бежал от падающих стен, постоянно лавируя между пронзающими здание кусками арматуры. Будто бы кто-то специально гонит героя. Добежав до помещения, напоминающим столовую, Николай прячется на кухонной зоне. Падение стен остановилось, как, впрочем, и арматура притихла. Правда, вместо них, в столовой появился Макар с горящими ладонями. Он держал ладони на расстоянии, освещая столовую.

– Где ты? Где прячется мой напуганный друг? – писклявым голоском верещал Макар, регулируя пламя своих ладоней.

Макар бродил по столовой около пяти минут. Не дождавсь появления Николая, Макар подозвал из коридора Маньяка.

– Найди мне его. Разрешаю что-нибудь отрезать от его те-

ла, но, он должен остаться в живых! – грозно фыркнул Макар, скрывшись в тени коридора.

– Раз, два, три, семь, начинаю резать пень! – сказал лягающим, тройным голосом Маньяк, принявшись искать Николая.

Николай пробует скрыться из столовой через черный ход. Но, неудачно отбегает от стенки и врежется в стеллаж с тарелками. В результате, все в дребезги, но, куда важнее другое – звук. Он такой громкий... Маньяк тотчас открыл из узи огонь по кухне, и с истеричным смехом подбегает к входу на кухонную зону. Николай прячется за плитой, и накрывает голову руками. Маньяк с криком испускает обоймы узи, после чего достает мечи и наскоками мечется между стеллажами тарелок, в поисках Николая. Герой пробует по-тихому проползти за спиной у Маньяка, но чуткий слух монстра делает свое дело. Эффектными движениями, Маньяк мечом отрубает Николаю кисть руки и берет за шкуру.

– Мне бы тебя пришить, но хозяин дал приказ оставить в живых! – пробасил тройным голосом Маньяк.

Маньяк приволок Николая к Идолу Вечности, посадив героя на колени перед когтистыми руками. Поднявший по лестнице Макар поклонился перед идолом.

– Что у тебя в рюкзаке? – грозно спросил Макар.

– Ничего особенного, – с трудом ответил Николай, покрывшись мурашками и потом.

– Как это ничего особенного? Мне тут нашептали, что ты

принес сюда кое-что опасное! – Макар ударил ногой по спине героя, проведя над его головой своими огненными ладонями, – Покажи, что у тебя в рюкзаке!

Николай своей единственной кистью развязывает рюкзак и вытаскивает оттуда толстую папку с бумагой. Взяв папку в руку, Николай оборачивается к Макару.

– Вот, это оно! – дрожащим голосом сказал Николай, стараясь устоять на ногах – отрубленная кисть дает свои плоды.

– Что это? – Макар подошел близко к Николаю, но папку в руки не взял, – Ты издеваешься?!

Макар толкает Николая, нанеся ему ожоги своими ладонями.

– Зачем ты это сделал? Что ты натворил?! – неистовствовал Макар, – Скажи всем присутствующим, всем! Что ты натворил?

Вокруг Николая стоят мертвые экскурсанты, бледные тени, Маньяк и даже Дюбель Аркаша, размахивающий своим топором.

– Это моя книга, – заикаясь начал Николай, – Я ее назвал «Трактат об искуплении». Я в ней описал конец света, предвосхищая последнюю войну людей друг с другом, которая начнется совсем скоро. От напряжения, от однообразности жизни, от загубленного творческого начала люди захотят убивать друг друга.

Николай вдруг перестал дрожать. Его голос укрепился, в глазах блеснул огонь.

– Скоро, осталось совсем немного! – Николай подошел к Макару вплотную, – Ты даже не представляешь, как близок конец. Да, я раскусил тебя. Твой образ. Тебя нет, ты просто сборник наших страхов. Макар... Кто тебя так назвал? Ты считаешь, что волен вершить судьбы людей? Их вершу я, автор великого трактата! В моих руках судьба мира!

Николай ударил Макара по лицу своей толстой папкой.

– В Озерске есть издательство, которое согласилось взять мою книгу, – улыбаясь, сказал Николай, – Каждый, кто ее прочтет, внесет свои пять копеек в конец света!

– Довольно! – вскричал Макар, но Николая уже было трудно остановить. Николай повернулся к идолу и поднял свою папку с бумагами кверху, словно священник, держащий молитвослов во время службы.

– Идол Вечности! Я написал свою работу, в которую заключаю колоссальную энергию! Эта энергия рождена вместе с вселенной, и я ее приручил! Все слова, что есть в моей работе, проявились на горизонте этой дождливой ночью и идут сюда, чтобы начать великий реквием! И никто их не остановит, даже ты, Идол Вечности, безумный плод рук людских, прошедший через века, чтобы встретить меня, своего самого яростного врага, вознамерившегося положить конец всему на свете!

Николай бросает свою папку серым рукам. Они раздирают папку своими когтями на части, утаскивая их в трещину. Николай оборачивается к Макару и широко открывает рот,

из которого вылетает огромный рой пчел. Макар разжигает в своих ладонях огонь и, начинает сражаться с роем пчел. Когда все пчелы пали, выяснилось, что серые руки, торчащие из трещин порублены на части. Бледные тени, ухаживающие за ними, увидев произошедшее, заплакали, растворившись в воздухе. Макар, сделав озлобленное лицо, подбегает к Николаю, резкими движениями обнимает его, начав истончать своими ладонями огонь.

– Стори, безумный плод человеческих рук! – злобно фыркнул Макар, отбежав от Николая. Пламя охватило тело героя. Но, даже загоревшись, Николай продолжал безумно смотреть на окружающих, неподвижно, не шелохнувшись, будто бы не чувствуя боли, позволяя огню распространяться по телу, проникать во внутрь, обжигать органы.

– Отправляйся к Черту на рога! – ругнулся Макар и толкнул Николая к идолу, – Идол Вечности, заведи его отсюда!

Горящий Николай с ревом растворился в теле идола. Его единственная, уцелевшая рука, зацепилась за средний ярус идола. Подбежавший Маньяк ударяет по руке мечом.

– Я сам себя создал! – раздался крик Николая из идола.

– Не ты себя создал. Тебя создали. Ради добра и надежды, которые ты вознамерился отобрать, – тихо промолвил Макар, затушив ладони.

Николай окончательно скрылся внутри Идола Вечности, приведя в залу режущую по уху тишину. Все стояли неподвижно, оплакивая серые руки из трещин. Это уже третий

раз за сто лет, когда Матушке Земле обрубают кисти рук. По зале разносился еле слышимый, грустный женский голос: «Люди».

– Может быть, надо было дать этому исчадию рода людского убить своих соплеменников? – спросил Маньяк Макара, отважившись нарушить тишину.

– Иногда я очень этого хочу. Но не забывай, что мы не имеем право подвергать людей уничтожению без согласия Велеса, – промолвил Макар, – А я не хочу причинять Матушке Земле лишнюю боль.

ГЛАВА IV. ТРОЕ

– Мы уже три часа сидим на месте! – недовольным голосом сказала Света, перекладывая стопки пыли с одного места на другое, – Никто не придет, пора идти дальше!

– Я хочу домой! – печальным тоном произнесла Аня Покровская, – Я устала, мне страшно!

Антон неподвижно стоял в коридоре. Его руки сложены по бокам, голова постоянно то опускается, то поднимается. Услышав бурчание Светы, Антон закрыл уши, но, надолго укрываться от причитаний девушки герою не получилось. Встряхнув руки, Антон молча взял Свету и Аню за руки, и поволок к выходу из здания.

– Там же дождь! – вскрикнула Аня.

– Лучше, чем сидеть в сыром и грязном коридоре! – буркнул Антон, вытолкнув девушку на улицу.

Дождь точно заключил сделку с вечностью! Стена из воды

с черным оттенком неба и очертаниями руин завода на заднем плане создает ажурное ощущение безысходности и меланхолии. Прямо так и хочется упасть в землю, обмазаться грязью и истошно кричать. Антон шел впереди, ориентируясь на силуэт какого-то очередного цеха. В след за парнем шли Света и Аня Покровская. Внезапно, через пелену дождя, Антон замечает овраг, через который перекинут мостик. В этом овраге стоят ржавые машины, краны, повозки, танки. Над мостиком, на арке, висит раскидной кулек человеческих черепов, звенящих от сильного ветра и капающих на них каплей дождя. Осторожно шагнув на мостик, Антон перекрестился. Впрочем, преодолеть мост никто героям не помешал. За ходом Антона, Светы и Ани Покровский наблюдал Дюбель Аркаша, тоскующий по откровенной жестокости, и пустившейся в поисках жертвы по территории завода.

То и дело, со всех сторон, словно стрелы, прилетали душераздирающие трели и хохот Дюбеля Аркаши. Этот сварливый сын Чернобога не давал покоя ни себе, ни призракам Парового завода, ни уж тем более бедным экскурсантам, коих осталось всего трое и их нервы уже на исходе, что, кажется, например, Антону уже все равно, что с ним будет. Парень просто перестал думать о чем-либо. В его мыслях было лишь стройное желание оказаться либо окончательно убитым, либо в теплой гостинице Озерска. Хотя бы...

Что немаловажно: Антон молчал. Он зажимал все внут-

ри себя. Для него это было привычным, но, выводило из себя Свету – девушка питала к парню определенные чувства. Между ними фактически начали выстраиваться романтические отношения. По крайней мере, Антон обнимал Свету, когда ей было плохо, не гнушался гладить ее по спине, приводя раздосадованную девушку в чувства. По факту, их можно было назвать парой, хотя они друг другу ни разу не сказали: «Я люблю». На разрушенном заводе не такая романтическая обстановка, знаете ли... Но, держать друг друга за руку они научились весьма быстро. Правда, все это – ширма. Молчание Антона и его неспособность выдавливать эмоции приводила Свету в бешенство. Девушка старательно пыталась понять, что чувствует ее парень. Такой ребус, «достучаться до небес». Случающиеся редкие выпады Антона были даже почище сильнее стены дождя, грома и ночи, в которой исчезали другие экскурсанты. В эти секунды, когда Антон открывал рот и что-то говорил, Света вешалась на него всем своим телом, лаская и соблазняя, уводя в нежные порывы чувств. Но, стоило незадачливому Казанове снова замолчать – бойкие тычки в бок: «Ты меня игнорируешь?!» возобновлялись с новой силой. Разумеется, масла в огонь добавлял завод и его мистификации, благодаря которым отношения между людьми шли то вкривь, то вкось.

Плюс ко всему, имелся фактор «третьего лишнего», точнее, третьей – Аня Покровская, оставшаяся без Николая и Петра Аркадьевича, почти лишенная рассудка и от того,

как балласт для двух влюбленных, бредущая позади, плачущая, больше похожая на призрака, которого хочется пожалеть и в следующую же секунду оттолкнуть куда подальше. Ну, не мешала чтобы.

– Давайте я умру, – редела Аня Покровская, шлепая позади Антона и Светы, спотыкаясь об камни и разбросанные повсюду железяки, остатки станков, – Мое бездыханное тело сослужит вам большую пользу.

– Хватит тебе! Мы выберемся! – Света пыталась успокоить подружку по несчастью, горящими глазами смотря на Антона. Антон тоже смотрел на Аню, молчал, зачем-то трогал ее плечо. Наверное, это была его попытка привести девушку в релакс.

– Ваня другой ведь был! – возмущенно бурчала Света, – Как вы смогли сдружиться?

– Это для равновесия, – продолжала реветь Аня Покровская, – Из двух друзей один должен быть плейбоем, а второй играть роль дурачка. Как правило, оба в плюсе, потому что найдется та, которая пойдет сначала за самым выпендренным, а следом прибежит еще одна нечаянная душа, которой нужен не мистер мускул, а очаровательный молчун с невыносимой тягой бесить своим поведением, потому что природа отдохнула на его крутости!

Аня Покровская любила после таких пафосных фраз падать в грязь и просить ее убить. Света тянула девушку на своих руках вперед, молила сделать то же самое Антона, кото-

рый флегматично глядел на девушек, продолжая витать где-то в своем измерении, где завод еще более мрачное место: из-под земли брызжет потоками кровь, с неба падают части человеческих тел, а на горизонте виднеется демон, изрыгающий огонь. И Антон в данном контексте бравый герой, единственный и неповторимый, бросивший вызов тьме и сражающийся с ней. Возможно, он просто не хотел пугать Свету, поэтому и молчал, предпочитая принимать всю боль на себя. Это как Николай, решивший выместить весь свой негатив на всех людях, только наоборот. Весь негатив Антон оставил себе. Света ругалась на него, сравнивая с Генкой-кобелем. Только Генка изменил Свете с реальной соперницей, а для Антона существует некая невидимка, отвлекающая сознание и внимание от девушки.

И все же, Света не отпускала Антона. Она чувствовала, что внутри парня кипит огонь. Есть еще что-то, возможно, та самая схватка с демоном, зависшим над горизонтом, которая влечет за собой и уводит Антона подальше от Светы, включившей спуск якоря: «Ну уж нет, так просто я от тебя не отстану!»

– Да прийти к какому-нибудь знаменателю! – вдруг издается из уст Антона, – Бродим всю ночь по дождю, голодные, холодные, уставшие. Либо умереть, либо воскреснуть!

– Воскреснуть! – кричит Света и целует Антона в щечку, с мыслью: «Хорошо сказал, побольше бы таких слов, любимый!»

– Умереть, – мрачно сказала Аня Покровская, встретившись с недовольным взглядом Светы.

В конце концов, через причитания, спотыкания об железки и окончательное смирение с тем, что дождь стал неотъемлемой частью этой безумной ночи, герои дошли до Цеха №5, в котором не в столь отдалённом прошлом растворились остальные экскурсанты. Что это за диво такое? Обитель дьявола? Свету очень заинтересовали раскатистые окна, в которых что-то горело.

– Чтобы это могло быть? – спросила Света.

– Давайте посмотрим, все равно делать особо нечего, – сказал Антон, смело шагая к входу.

Войдя в цех, герои оказались в ромбоидальном помещении, посреди которого стоит большая чаша из белого камня. Чаша полна воды, в которой плавают тела людей. Над чашей, в позе лотоса, прямо в воздухе, висит женщина. Она одета в длинное бордовое платье, на ее плечах, груди и кистей рук золотые пластины, с гравировками квадрата Чернобога. На голове женщины белый кокошник с бубенцами, на ушах длинные серьги с красными камешками, лицо изрисовано желтыми, синими, оранжевыми линиями по вертикали и горизонтали.

По периметру ромбоидального помещения висят факелы, загоревшиеся мощным пламенем, когда Антон приблизился в чаше. Слева от входа длинный коридор, уходящий куда-то во тьму. Справа – небольшая ниша, в ней в неподвижной по-

зе стоят три мертвеца с луками и стрелами. Аня Покровская, испугавшись их вида, визгнула, и отошла от Светы по ближе к входу в помещение. Женщина над чашей открыла глаза, оказавшиеся красными. Ее лицо напряглось, щеки наполнились воздухом, а нос, словно труба парохода, засопел и заработал своими «крыльями» в разные стороны. Губы женщины, вкусив воздух, выросли в размере несколько раз.

– Кто вы такие? – спросила женщина над чашей. Ее тройной, металлический голос прорезал все внутри живого, отражаясь об стенку помещения и поднимающий пыль с пола до потолка!

– Мы – люди, ищущие укрытия от дождя, – поэтично ответил Антон.

– Я адепт Чернобога и хранитель Идола Вечности, – грузно начала женщина над чашей, – Вы в запретных владениях. Вступивший сюда однажды, никогда не воротиться назад.

– Мы теперь твои пленники? – воскликнул Антон удивленным голосом.

– Вы пленники Идола Вечности. Приклонитесь перед ним, и он определит участь каждого из вас, – сказав, женщина над чашей снова закрыла глаза. Ее лицо застыло как прежде, в помещении настала робкая тишина, прорезаемая дождем с улицы. Мертвецы, шатаясь и мотаясь из стороны в сторону, вышли из ниши.

– Вперед по коридору, к Идолу Вечности, – хором пропищали мертвецы, наставив на героев свои луки с натянутыми

стрелами.

Троица экскурсантов брела по коридору, казавшемся им бесконечным. На крутом повороте, приведшем экскурсантов к еще одному ромбоидальному помещению, мертвецы резко разворачиваются и уходят прочь. В помещении также горят факелы, у одной из его стенок стоит Николай. Его тело объято ровным «слоем» огня, в руках стопка бумаг, на ногах тяжелые золотые цепи, уходящие в стену. Завидев героев, Николай завыл нечеловеческим голосом.

– Возьмите и издайте мою книгу! Привнесите конец света в массы! Пусть он станет явью!

Антон крепко взял в руки Свету и повел дальше. Лишь Аня Покровская молча подошла к Николаю, смотря на его объятые огнем лицо. Аня молчала, ее тело сгорбилось, почти «сломалось» от тягот «экскурсии» по заводу. На лице Ани не было эмоций, лишь непроизвольно текущие потоком слезы, пробирающиеся сквозь слой пыли и грязи. Покровская дотронулась до лица Николая – легкий огонь перебежал на пальчик девушки. Но, стоило Ане отдернуть руку, как огонек гас.

– Возьми эту книгу! Уничтожь людей, как я этого хотел! – умоляя, говорил Николай, – Уничтожь их! В этой книге секрет гибели человеческой расы. Я создал этот секрет! Я его создатель! Возьми, возьми эту книгу!

Аня протянула руки к бумагам Николая, но тут, сзади девушки из ниоткуда появляется Макар.

– Остановись! – громко крикнул Макар, – Неужели ты не осознаешь, что творишь?

– Я хочу прочесть эту книгу! – возмущенно буркнула Аня, продолжая тянуться к бумагам Николая, – От нее веет мощью!

– Она привнесет смерть и разрушения в ваш мир! Остановись! – возмущался Макар, взяв Аню за руку и отведя подальше от Николая.

– Этот человек заточен в вечный огонь за свое желание причинить человечеству боль! – начал Макар, взяв Аню за плечи и подвинув к стене, – Никто не имеет право уничтожать мир без разрешения Велеса и Чернобога! Слышишь, никто! Только в их власти стереть ваш род с лица Земли!

Макар отошел от Ани Покровской к Николаю, расковыряв пальцем дырку на его груди. Потекшая оттуда кровь слегка затушила огонь. Николай громко завыл и старался ошпарить Макара, но тому хоть бы что!

– Так будет с каждым, кто поднимает руку на столпы мироздания! – прорычал Макар, сделав вторую дырку на груди Николая.

– Ему же больно! – вмешалась Аня, накинувшись на Макара, – Он хотел уничтожить мир? А что делаешь ты? Что делаешь ты?!

– Тебя спасаю, – визгнул Макар, – Хочешь жить? Иди, я тебя отпускаю! Тебя никто не тронет.

Макар рукой снял слой воздуха, показав Ане ее преды-

душую ночь. Девушка, оставшись одна, без родителей, пережившая измену парня и совершившая аборт, вздернула веревку в своей комнате общежития, чтобы повеситься. Но силы воли не хватило, тогда, Аня взяла нож и попыталась вскрыть вены. Но, и тут не получилось. Девушка лишь к утру смогла перестать искать способы свести счеты с жизнью. А когда солнце окончательно взошло, Покровская начала собираться на работу – она экскурсовод на маршруте фирмы «Мисса».

– Иди и живи, пока я не передумал! – Макар вытолкнул Аню Покровскую в коридор, – Пройдешь мимо адепта Чернобога, трижды поклонись и скажи: «Спасибо!».

Аня выкатила глаза, выпрямилась, слегка отшатнулась, но устояла на ногах.

– Ты бог? – спросила Аня, дотронувшись до Макара.

– Ну, так меня еще никто не называл, – Макар замялся, снял кусок своей головы, потряс ее, забрызгав кровью, часть стены коридора, вставил обратно, – Ты первая за все время, что существует человечество, кто назвал меня «Богом». Спасибо конечно, я передам Велесу, что пора повышать мой статус!

Макар широко улыбнулся, еще сильнее толкнув Аню к выходу. Девушка шла по коридору, неоднократно оборачиваясь. Три раза поклонившись перед адептом Чернобога, Покровская громко сказала «Спасибо!», получив одного из трех мертвецов из ниши в качестве сопровождающего

до выхода из завода.

– Нам тут идти минут десять, – пропищал мертвец, – Я умею гадать на стене дождя. Пока идем, могу показать тебе.

Покровская покрылась потом от фразы мертвеца. Сделав мощный зевок, мертвец взял девушку за руку и потащил на улицу.

***

Антон вел Свету по темному коридору. Из темноты доносились различного рода шорохи, время от времени мелькали жаровни, вырастающие буквально ниоткуда. Вокруг них бегали бледные дети-призраки, в белых рубашках и штанишках. В одном месте коридора, возле бывшей когда-то щитовой, запутанный в проводах стоит высокого роста мужчина, в черном плаще и с красным лицом, длинной бородой и острыми ушами. Мужчина улыбался на все тридцать два зуба, часто моргая своими зелеными глазами.

– Пойдемте, я вас проведу через Смородину-реку, в обход Калинова моста. Цена прохода – ваша жизнь, – шептал мужчина. Создалось ощущение, что у него заложен нос, от этого его голос казался «пламенным».

Антон еще крепче прижал к себе Свету и поспешил дальше. Их путь закончился встречей с Маньяком. Приставив к героям свои мечи, Маньяк привел экскурсантов в просторную залу, где под потолком висят огромные геометрические фигуры разных форм и размеров. А по стенам текут потоки лавы. В центре залы, на небольшой площадке стоит Идол

Вечности, вокруг которого собрались все мертвые экскурсанты.

Перед героями из воздуха выплывает чья-то рука. Она прочерчивает квадрат, после чего берется за крайний правый верхний угол и, перелистывает, словно страницу книги пелену воздуха. Перед изумленными Антоном и Светой оказывается Макар. Обойдя героев по кругу, Макар дотрагивается указательным пальцем до Светы, затем до Антона.

– Ты первый за лет двести, кто не истончает страха, – удивленно воскликнул Макар, еще раз дотронувшись до Антона, – Удивительный человек! Ни капельки беспокойства, ни в одной клеточке тела!

Макар отворачивает голову в сторону Маньяка и громко кричит:

– Отправь Чернобогу и Велес восточку! Скажи им, что они срочно нужны возле Идола Вечности!

Перед Антоном и Светой вырастает свод подземелья с висящими человеческими руками, проколотыми толстыми иглами под разными углами. Макар проходит под свод и рукой подзывает экскурсантов.

– Идемте! Мне кое-что нужно вам показать! – громко воскликнул Макар, скрывшись во тьме подземелья.

ГЛАВА V. ЖЕРТВЕННИК

– У вас много вопросов в голове, – говорил голос Макара из тьмы, окружившей Антона и Свету, – Я предпочитаю отвечать на все подробно, применяя не только силу слова,

но и воображения. Я вам проведу одну экскурсию по местам вечности. Приготовьтесь узреть сокровенное от глаз людских!

Антон взял Свету за руку, постоянно оглядываясь по сторонам.

– Выберемся отсюда – женюсь на тебе! – быстро проговорил Антон, получив в ответ порозовевшее, расслабленное лицо Светы, – Я тебя на руках отсюда вынесу!

Света открыла рот, хотела что-то сказать в ответ, но ее перебил поток огненных стрел, окруживших героев. Стрелы образовали бесконечное зеленое поле, на горизонте виднеются грозовые облака, свою силу начинает набирать мощный ветер. Над головами Антона и Светы пролетает чей-то огромный хлыст. Испугавшись, Света падает на землю, но ее хватает Антон, прячет за спину и оборачивается назад.

Перед глазами Антона и Светы вырастает частокол, метр тридцать в высоту. Частокол полукругом стоит на песочной платформе, из-под которой во все концы идут трещины. Из трещин торчат знакомые серые руки, держащие длинные белые платочки, с красными оборочками по краям. Посередине образованной частоколом площади стоит Идол Вечности, на среднем ярусе которого просматриваются две выемки с сосудами, окаймленные солнечным светом по своему контуру. Вокруг идола, по часовой стрелке бродят мужики с черными посохами, что-то громко бормочущие на непонятном наречии. Вторым кругом, уже против часовой стрелки идут барышни-крестьянки, каждая из которых держит си-

то. Из сита, барышни-крестьянки сыплют в разные стороны щепоточки соли. Третьим кругом просто стоят на месте облаченные в красные костюмы мужчины и женщины, держащие в руках маленькие глиняные горшочки, закрытые крышками сверху. Раз в минуту, кто-то из третьего круга просачивался через первые два к идолу, брал любой из двух сосудов со среднего яруса, и, что-то приговаривая, «высыпал» в него воздух из горшочка.

– Это Сосуд Семьи и Сосуд Творчества, – раздался звонкий голос Макара, – Готовясь к обряду, люди наговаривали в горшочки свои пожелания на будущее. Потом, приходили к Идолу Вечности, чтобы «высыпать» содержимое горшочков в сосуды. Так, энергетически и мысленно подпитывались узы семьи и ковались гениальные таланты среди живущих, а также, среди тех, кому еще предстоит родиться на этот свет.

Бледные тени, снующие туда-сюда, расставляют жаровни рядом с частоколом. Огонь в жаровнях тени разжигают посредством ударов своими ладонями. Вокруг частокола, сотрясая землю, ходит гигантский мужик, с раскрытой пастью, острыми клыками и сморщенным лицом. На голове горящие волосы, из глаз течет кровь, из ушей вода. И кровь, и вода падают на его кафтан, впитываясь в него, сильно не растекаясь по телу. Гигантский мужик машет огромным хлыстом, ударяя его наконечником по небесам. Откуда слышится грохот, что-то, наподобие грома.

– Это капище Идола Вечности, – прозвенел Макар, по-

явившись рядом со Светой и Антоном, – Теперь на его месте Паровой завод. До возникновения Озерска еще много столетий. Люди приходили сюда, чтобы вершить свои обряды, преподнося богам свои дары. То было славное время бесстрашия и непоколебимой воли. Тогда еще даже я не родился – мой образ появится позднее.

Макар прокрутил по небу облака, подведя грозовой фронт ближе к капищу.

– Этого гиганта зовут Афраний, – продолжил Макар, – Он один из хранителей Идола Вечности. Сейчас он призывает дождь, чтобы окропить иссушенную землю вокруг капища водой. Афраний – сын лесной царевны Марьямы и правителя полей Елисея. Он был рожден по благословию Велеса. В былые годы Афраний являлся душой природы. Он очень любил свою работу и считал, что так будет всегда.

Но тут, к капищу стала стекаться конница. Вооруженные до зубов всадники начали осаждать капище. Они валили жаровни, убивали теней, насиловали крестьянок, а мужикам отрубали головы. Всадники повалили Афрания на землю. Взяли топоры, и стали рубить гиганта на части. Афраний кричал что есть мочи, умоляя прекратить причинять боль. Кровь хлынула фонтанами, обагрив землю вместо воды. Гроза, потеряв удар хлыста гиганта по небу, развалилась на мелкие облачка и ушла восвояси. Пройдет не мало дней, прежде, чем всадники полностью разрежут Афрания на части. Каждый из всадников взял часть Афрания себе. Затем,

они подожгли частокол, свалили вокруг Идола Вечности тела людей и скрылись за бескрайним черным дымом, заволокшем зеленое поле.

– Это начало поползновения ужаса, – с грустью продолжил Макар, – Один из первых случаев, когда люди употребили насилие друг против друга. С гибелью Афрания, Идол Вечности потерял связь с небом. А небо потеряло связь с землей. И пошла великая смута.

С разных сторон поля пошли друг на друга орды людей. Они схлестнулись в кровавой схватке на месте капища, кроша Идол Вечности на составные части. Они ели друг друга живьем, истязали и убивали. Антон и Света перестали считать, сколько погибло людей. Их трупы образовали темную гору до самых облаков. Затем, из ниоткуда взялся Чернобог. На его левом плече сидел черный ворон, на другом Змей Горыныч. Ряса Чернобога звенела невыносимым металлическим звоном на всю округу. В одной руке у Чернобога посох, в другой черная сфера, из которой доносятся крики и стоны.

– Повелеваю родиться Страху великому во благо контроля рода людского! – громко провозгласил Чернобог, ударив посохом по земле.

Все погибшие воины восстали, и, будучи мертвецами, стали расходиться в разные стороны, пока не освободили руины капища и останки Идола Вечности окончательно. К Чернобогу присоединяется Велес, держа в руках деревянный посох. Чернобог и Велес подошли к капищу, скрестили посохи

и восстановили Идол Вечности. Затем, Чернобог достал из-под земли четкий, строгий по очертаниям, зауженный посередине и широко расходящийся вверху и внизу сосуд.

– То есть возрожденный из пепла Сосуд Семьи, – пробасил Чернобог, ставя сосуд в выемку на среднем ярусе Идола Вечности.

Велес вытащил из-под облаков такой же сосуд.

– Дарую возрожденный из небытия Сосуд Творчества, – проговорил нежным голосом Велес, также поставив сосуд на выемку среднего яруса идола.

С разных сторон поля послышались крики людей. К Идолу Вечности стали прилетать кусочки человеческих образов, слегка прозрачных, но постоянно дрожащих и беспокойных. Образы стали собираться в человека, мужчину, чей облик размывался чернотой в районе лица. Чернобог, посмотрев на мужчину, протер ладошкой по лицу. После этого, перед изумленными Антоном и Светой предстал Макар.

– Теперь Страх будет руководить людьми, – сказал Чернобог, уходя под землю.

– До той поры, пока я не соберу армию созидательных и думающих людей, – с надеждой проговорил Велес, улетая в облака.

Макар распростер руки к небу и поклонился к земле. Положив руки на свою грудь, Макар вытащил из нее третий сосуд. Макар вырезает рукой на среднем ярусе Идола Вечности третью выемку, куда и поставил свой сосуд.

– Кончилась эпоха, когда существовало только два сосуда, – разнесся грубый и злобный голос Макара, сотрясая землю вокруг, – Пришло время принимать в свою семью Сосуд Ярости!

После установки третьего сосуда, Идол Вечности покраснел и зашатался. Небо сделалось серым, поднялся сильный ветер, сшибающий с ног.

– Теперь вы знаете, кто я, – сказал голос Макара.

К Макару стали приходиться женщины со всех деревень. К прекрасной половине человечества Страх питал особую слабость. Время от времени, Макара журили за это Чернобог и Велес, но, что поделывать – Страх такой же их ребенок, как и люди. Только контроль над людьми оказалось проще потерять. Поэтому, божества сильно беспокоились, что Макар пойдет по стопам двуногих безумных деток. К счастью для Чернобога и Велеса, максимум, на что был способен Макар, это совратить женщин уйти из дома, чтобы прислуживать ему на Идоле Вечности. В обязанности наложниц входило убирать листву, сметать пыль, следить за тем, чтобы Сосуды всегда были полными. С крушением прежнего порядка обряда, Сосуды Творчества и Семьи стало некому восполнять напрямую – всех ведь перебили, все разрушили. Энергия, выделяемая людьми при сотворении семьи или чего-то созидательного, стала идти мимо Сосудов. Чтобы направлять энергетические потоки прямо в емкости, женщины стали ловить их по полю в руки, и, прямо в ладошках «высыпать» в сосу-

ды. Так, удалось более-менее восстановить прежнее равновесие миропорядка. Но, была еще третья емкость – Сосуд Ярости. Для ее восполнения требовалось больше женских рук, поскольку люди довольно много воевали и убивали друг друга, но еще больше – боялись. И энергических потоков от этих явлений в разы больше, чем то, что выделяется для Семьи и Творчества. Порой, Сосуд Ярости даже перебарывал своих «соседей» по среднему ярусу идола. Макар все больше и больше забирал женщин из деревень. Как-то раз, к нему даже заявили мужики с вилами, в попытках вернуть своих жен и дочерей. Проблема была в том, что воинствующие мужики, внешне ратующие за кровопролитие, внутри жутко боялись его. Чем нещадно радовали Макара, получившего усиленный энергетический заряд для Сосуда Ярости. Мужики ушли ни с чем домой.

Дальше – больше. Стремительное развитие общества привело к изобретению новых форм насилия, будь то оружие, еще более разрушительные войны, болезни, бывшие уже не только изобретением природы. Пока одни свирепствовали, другие боялись. Наложниц Макара стало не хватать для сбора энергии Сосуда Ярости. Пришлось перекидывать на это направление женщин с «потоков» Семьи и Творчества. От переизбытка негативной энергии стал страдать сам Макар, не справляющийся со столь неумным желанием одних людей лить реки крови, других боятся этих рек крови. Дошло до того, что уже сам Велес взялся аккумулировать

энергетику Сосудов Семьи и Творчества.

Макар стал серьезно размышлять над решением проблемы. Ему нужны были те, кто будут вместе с ним питаться негативной энергией людей. Решение нашлось довольно быстро: Макар усадил рядом с Идолом Вечности трех наложниц, и стал «кормить» их содержимым Сосуда Ярости. По велению Макара, каждая тройка наложниц должна брать на себя столь тяжкую ношу на сто лет. После чего, их освобождают, возвращая к прежней, человеческой жизни. По иронии судьбы, эти наложницы оказались родными сестрами, отчего действовали и «кушали» негативную энергию больше и быстрее. Прознав это, Макар приказал каждые сто лет находить трех сестер, которые становились бы новыми «потребителями» энергии Сосуда Ярости. Только так удалось удержать хрупкое мироздание от окончательного сваливания в хаос.

– Такая у меня работа, – сказал голос Макара, и герой появился рядом с дрожащей от страха Светой и крепко стоящим на ногах, с серьезным лицом Антоном.

Макар вытащил из-под земли рычаг. Нажатием на рычаг, Макар спровоцировал спуск куска земли, на которой стояли экскурсанты вниз. К Макару из тьмы вышли Маньяк и Доктор.

– Эти двое, мои дети. Я их соткал из ваших воинственных мыслей, – Макар похлопал Маньяка по плечу.

По щелчку пальца Макара, герои вернулись в залу завода.

– Я нарочно сводил с ума работников этого предприятия, – радостно заявил Макар, – Мне так нравится, когда вы плохо думаете или боитесь! Сразу столько идей возникает, как можно вас убить! Любая ваша плохая мысль и желание нанести вред почтуют мое воспалённое людской жестокостью воображение роскошными картинками. Я люблю их потом в ваши головы отправлять в слишком утрированном виде. И, наслаждаюсь бойней!

***

Макар взял за руку Свету и оттащил от Антона. Парень, сделав выражение лица «Ты меня обидел!» взял камень и швырнул его в Макара. Впрочем, Макару от этого хоть бы что, зато Антон улыбнулся.

– Смелый малый! – фыркнул Маньяк, мечом проведя по спине Антона.

– Оставьте мою любимую в покое! – мрачным голосом пробормотал Антон, набрав в руки груды камней.

– Давай я его зарежу! Дело на пару секунд! – прошипел Маньяк.

Макар отрицательно покачал головой. Среди остальных экскурсантов, Антон выгодно выделялся своим спокойствием и контролем над эмоциями. Его не выбил из колеи страх, ужас, тяготы пребывания среди заводских руин. Просто так убивать Антона Макару не хотелось, и, чтобы влюбленный парнишка не путался под ногами, его решено отправить в страну снов. Доктор услышал это пожелание в мыслях, и,

вытащив пустой шприц, прошуршал к Антону сзади. Впрочем, просто так добраться до тушки разбушевавшегося юнца не получится: Антон резко метнул булыжник с острым концом в Доктора. Результат – Доктор лишился своего болтающегося языка. Сделав обиженное выражение лица, Доктор принялся вместе с вечно икающим Эдиком пришивать оторванный язык.

В дело вступил Маньяк, которому досталось два роскошных камешка с тупыми краями. Макар раздосадовано качал головой, крепко держа Свету – девушка не скрывала желания убежать. Тем временем, драчливый Антон пошел дальше: любезно взяв у валяющегося без чувств Маньяка меч, герой с криком помчался на Доктора. Доктор спрятался за Эдиком, который только хотел поднять руки вверх, но, как итог, получил строго в район сердца мечом. Штука ли, знаете, Эдик ведь ни живой и ни мертвый. Покричав, икающий тощий человек вытащил меч, погрозил Антону кулаком, и скрылся за Идолом Вечности. В эпичную битву «очень кстати» вмешался Дюбель Аркаша. Его появление всколыхнуло всех экскурсантов, Макара, Маньяка и Доктора. Дюбель Аркаша пропрыгал к Антону, с гоготанием занес над юношей свой топор, и, как получит по лбу булыжником с острым концом. Это уже Доктор постарался. Антон замешкался, стал оглядываться по сторонам, не сразу заметив валяющегося под ногами Дюбеля Аркашу, злобно сверлящего героя черными глазами. Когда Антон пришел в себя от пре-

вышенной динамики происходящего, его руку уже теребил Доктор, вонзив туда свой пустой (но, на самом деле заполненный) шприц.

– Упс! – раздалось из уст Маньяка, подбежавшего к Антону с дубиной в руках.

Антон рухнул на пол, рядом с Дюбелем Аркашей. Доктор тут же оттащил юношу поодаль, увидев, как Дюбель Аркаша потянулся за топором, высматривая, куда бы его вонзить в тело Антона.

– Пушай спит до прибытия Велеса и Чернобога, – быстро проговорил Макар, отпустив Свету.

Девушка метнулась к Антону, где ее уже ждал Эдик.

– Идем, нам в соседнюю залу! – пропищал Эдик, виновато посмотрев на Маньяка. Маньяк одобрительно качнул головой, отчего на лице у Эдика появилась искренняя улыбка и даже несколько порозовела кожа.

***

Огромная зала, где сквозь раскатистые окна лучи солнца утыкаются в припорошенные пылью бетонные плиты. Утро наступило неожиданно, впрочем, никто из inferнальных обитателей завода этого не заметил. Эдик завел Свету в залу, и ненадолго скрылся из виду. Зала абсолютно пустая, кроме пыли больше ничего. Света замечает посреди зала какое-то странное движение. Серое облако пыли медленно опускалось с потолка. Света осторожно стала приближаться, то и дело оборачиваясь по сторонам. Обходя облако по дуго-

образной линии, Света несколько раз спотыкнулась на ровном месте. Девушку это даже повеселило – впервые, с момента ее ухода из автобуса. Правда, былая радость улетучилась быстро – серое облако пыли оказалось очередной «завесой», которую сдернул Макар, появившись традиционно из ниоткуда. За облаком стояли Марта и Яна. Длинные черные волосы плашмя лежат на их шеях. В прядях запрятались комки грязи, которые уже затвердели. Сестры одеты в серые лохмотья, полные порезов и кровотечений ноги оголены и обтянуты тонким слоем целлофана. Их исцарапанные руки дрожат и будоражат воздух.

– Марта? Яна?! Что с вами? – Света бросилась к сестрам, стараясь привести их в чувства.

– Сестра, нам выпала величайшая честь! – громким, почти детским голосом заговорила Марта, сделав безумное выражение лица, – Нас ждали! Нас выбрали!

– Сестра, мы ждали только тебя! – низким голоском прозвенела Яна, – Ты увидишь изнанку мира, вместе с нами!

Света закричала, отбежав от сестер, девушка бросилась прочь. Но, на выходе ее встречает Мертвый богатырь, сзади которого выглядывает Афраний. Богатырь хватает Свету за волосы и волоком тащит обратно к сестрам. Света пытается сопротивляться, но Мертвый богатырь явно сильнее. Афраний заламывает Свете руки, отводит от Мертвого богатыря, и толкает к сестрам.

– Что происходит? Что вам нужно?! – визжала Света, ста-

раясь растормошить своих сестер.

– Времена такие, – сказал Афраний, – Ничего не поделаешь.

Макар встал перед Светой, нарисовав руками серое полотно.

– Я тебе покажу кое-что. Это необходимо, чтобы ты до конца поняла все происходящее вокруг, – мудро сказал Макар, сорвав белое полотно, из которого на Свету хлынула тьма. Во тьме, Свету ждали мелкие белые полосы, которые при виде девушки засуетились, став размножаться, воссоздав вокруг героини картину славного и красочного прошлого. Мускулистые богатыри и барышни-крестьянки, деревянные крепости и раскинувшиеся по зеленой скатерти деревушки, усеянные сочными красками луга и полянки, речки и озера. Чистый воздух, вдали слышится гул урагана, но, он не враг живому, а, наоборот, источник перемен. В этом дивно райском месте Света – невидимка, которая является эдаким экскурсантом, избранным, быть тем самым человеком, увидевшем прошлое. Рядом со Светой очутился Макар, начав рассказывать своим звенящим голосом историю.

– Когда-то, давным-давно, жил-был Арьин – мудрый воин, предводитель большого отряда богатырей. Они занимались строительством, осваивали новые земли, добывали еду, кормили слабых, лечили от всех болезней.

Перед героями предстал отряд богатырей во главе с Арьином – его облик очень напоминал Мертвого богатыря, Света

присмотрелась к нему, даже несколько обомлев от сходства.

– Арьин слыл старшим сыном Святогора и его жены Пленки Поморской, – продолжил свою речь Макар, – Самый умный и мудрый из своих сыновей, Арьин быстро познавал мир и освоил чудодейственную силу, благодаря которой сумел сколотить крепкий и дружный отряд богатырей. Но, у всех знаний и умений существует золотая середина, перешагивать через которую крайне опасно.

Отряд Арьина оказался на берегу живописного озера, где всегда любили восстанавливать свои силы все молодцы в округе.

– Однажды, отдыхая на берегу озера, Арьин и его богатыри в шутку стали драться друг с другом. Эта безобидная игра очень скоро привела к тому, что впервые в мире человек применил к другому насилие. Удар за ударом, и уже шутка перестала быть таковой. Богатыри взялись за мечи и стали рубить друг друга на части. Так и поубивали они себя. Пришедшие на звон мечей люди, увидев кровавую сечу, испугались, начав истончать страх и фобии. А те, немногие, кто устоял, словно заговоренные красотой смерти, взяли мечи богатырей и стали убивать себе подобных. Так, зародилась жестокость людей. Разгневанные боги сослали богатырей в Пустошь – затерянная территория между мирами Правь, Явь и Навь. Где они бродят, по сей день, вынужденные постоянно видеть убийства, которые они совершили. В нашем мире боги оставили только одного – Арьина, их

предводителя. И он, сейчас с нами.

Мир славного прошлого стал разваливаться на части, «оголяя» тьму, которая в свою очередь тоже пошла по швам, возвращая Свету и Макара в просторную зала Цеха №5.

– Ха-ха! Так ты тот самый Арьин! Проклятый богатырь! – хохотал Дюбель Аркаша, стоя позади Маньяка и Доктора, – Чертов великан! Проклинаю тебя за твою ошибку! Подражаться он решил. Шутник, ха-ха-ха! А теперь, в мире одна жестокость правит бал. Ну и кусок же ты мяса, Арьин!

Арьин с ревом размахнулся мечом, разрубив Дюбеля Аркашу на две половинки.

– Ирод ты жестокий! – пискнул Дюбель Аркаша, – Я сын Чернобога! Он тебя покарает!

Афраний захлопал в ладоши, Макар досадно покачал головой, а Света едва не рухнула в обморок.

– Не удержался! – улыбнулся Арьин.

– Не страшно, – махнул рукой Макар, – Туда ему дорога. На Калиновом мосту ему припомнят всю ту жестокость, что он сотворил!

– Так он не сын Чернобога? – возмутился Арьин.

– Нет, нет, что ты! – Макар аж вспотел от возгласа Арьина, – Аркаша просто призрак. Я его научил паре приемов призывать Чернобога, внушил ему родство с великим божеством, ну и, дал ему немного энергетики Сосуда Ярости. Получилось невесть что, зато жестокое. Все, как у людей!

– Да, вот такие невесть что порубали меня топорами мно-

го лет назад, – Афраний почесал голову, осматривая половинки Дюбеля Аркаши, – А теперь я не гигант, а скрюченный мертвец с луком и стрелами!

– Велес жаждет вернуть тебе прежний облик. Подожди еще немного, – сказал Макар, захватив Афрания в дружеские объятия.

Тело Дюбеля Аркаши успели забрать тени, отнеся к Идолу Вечности. Арбин, Афраний отошли чуть поодаль, чтобы не мешать Макару. Макар встал напротив Светы, Марты и Яны.

– Не надо, пожалуйста! – слезно просила Света, упав на колени, – Я не хочу! Не хочу питаться болью и жестокостью!

– Так устроен этот мир, – сухо констатировал Макар, – Ни я его таким придумал. Но, моя задача удержать ваши недостатки в пределах их границ.

Макар руками снял очередную завесу позади сестер. На трех стульях, сидят три сестры. С длинными волосами, одетые в серые лохмотья, с ногами, обтянутыми тонким слоем целлофана. Их исцарапанные руки, словно вытянутые дуги, привязаны сзади веревками об спинки стульев. Лицо Третьей сестры залеплено скотчем – кожа под ним покрылась волдырями и вспучилась. Лица двух других сестер открыты, но их красные щеки, преполные ссадин и порезов сильно бросаются в глаза. Лица трех сестер смотрят вниз. Они что-то бубнят про себя, невзрачное и явно злое.

– Прасковья, Ольга, Антонина! Столетие ваших мук закончено! – громко скомандовал Макар, – Вы свободны!

Сестры резко встают со стульев, порвав от мощных порывов веревки. Они подходят к Макару, который по очереди обнимает их, целует в щечку, и что-то говорит на ухо. После чего, сестры обрели человеческие облик. Красивые, одетые в белые сарафаны, с длинными, шелковистыми волосами, глубокими, как океан, глазами. Их походка, о, они словно ангелы, парящие над землей.

– У Идола Вечности возьмите благословение богов, – сказал Макар вслед сестрам, – Живите полной жизнью! Вы теперь свободны!

Сестры скрылись в арке. Подойдя к Идолу Вечности, каждая из сестер поклонилась и прислонилась к среднему ярусу – к Сосудам Творчества и Семьи соответственно.

– Сто лет жизни ваши! – пробасил Идол Вечности голосом старца, – Проживите их так, чтобы след от вас остался в этом мире навсегда!

***

Макар призвал на помощь бледных теней. Если Марта и Яна смиренно сели на стулья, то Света, войдя в паническое состояние, брыкалась и кусалась. Долго пришлось с ней возиться. За то время, что Свету усаживали на стул, от красивой девушки не осталось ничего человекоподобного. Страх соединился с безумием, дав волю гневу. Света побледнела, девушку охватила худоба. На лице вскочили волдыри, выпа-

ли глаза, попадали волосы.

– Отпусти меня! – демоническим голосом завывала Света, – Отпусти меня! Я свободная женщина! Кто имеет право держать меня здесь?!

– Такова воля богов, – спокойно говорил Макар, привязывая руки Светы к спинке стула, – Смирись и будет легок твой путь!

– Хотел бы ты вернуть все назад? – спросил Афраний Арбина, наблюдая за муками Светы, – Чтобы не видеть все это каждые сто лет?

– Тогда, у озера, я просто предложил богатырям игру, – тихо пролепетал Арбин, – Мы жили в мире созидания и почитания. Мало кто мог предположить, насколько он хрупок. Я бы не хотел возвращаться в прошлое. Я хочу исправить настоящее, во благо светлого будущего!

Привязав сестер к стульям, Макар встал перед ними на колени. Вознеся руки кверху, Макар громко стал говорить:

– Да благословенен этот день, когда на передовую человеческих пороков вступили три сестры-мученицы, взявшие на себя ответственность встречать первыми вселенское зло! Пускай они примут на себя удар Сосуда Ярости, да спасут невинные души, позволив сохраниться миру, освободив дорогу для новых семей и для великого творчества!

Сестры моментально оборачивают свои лица на входную арку зала. Их губы напряглись, а на лицах выступил пот. Они заговорил вслух, громко и разборчиво, тяжелым и ляз-

гающим голосом, переполненным ненавистью и злобой.

– Кто прошел сквозь арку эту! Кто прошел по литому огню! Кто пробежал через века тенью, не оставшись самим собой! Кто ушел, не попрощавшись, отливая слезы в котелок, разжигая сильно дикий и неподконтрольный огонек! Кто попрал добро силой, открывая дверцу злу, разметая хаос дивный, венчавшись с демоном косой, у алтаря восьмиконечного, среди серых стен, среди былых руин. Где монстры со всей вселенной, с раскатом грома у дома упырей, собрались во есть едино, славя новый век во тьме.

После этой броской фразы, из ртов трех сестер пошли потоки крови. Они стали захлебываться ею, корчась от дикой боли внутри, извиваясь, будто бы змеи на стульях. Впрочем, скоро они приняли статичные позы, будто бы затаившись в ожидании чего-то сакрального и желанного.

– Все, готово! – сказал Макар, вытерев со лба пот, – Самые сложные сестры за последние триста лет!

– Интересно, что будет со Светой, когда через сто лет она станет свободной? – спросил Афраний, – Помнишь, Арину Павловну?

– Это был 1790-ый год? – вмешался Арин, – Тогда еще все ждали конец света, готовясь умирать! Сложнейшее было время!

– Да, это был 1790-ый год, – мрачно ответил Макар, – Но, Арина Павловна просто боялась конкретно конца света, а не своей участи. Света же... Она просто впала в панику.

Даже я, будучи Страхом почти поверил, что сейчас начнется хаос! Надо попросить Велеса взять Свету с собой, через сто лет. Только он способен излечить ее душу!

Бледные тени понесли в ладошках энергию из Сосуда Ярости. Подбегая ко ртам сестер, тени делали ладошки в форме крыльев, словно подбадривая негативную энергетику на пути к сознанию девушек. Возле Идола Вечности, Макара, Афрания и Арфина ждали Чернобог и Велес.

– Знатная была ночь! – пробасил Чернобог, – Много крови пролилось. Впрочем, мне это даже нравится!

Чернобог прошел к мертвым экскурсантам.

– Идемте со мной! Сегодня я решил вас провести через Смородину-реку!

Макар подтащил к богам тело спящего Антона.

– Что с ним делать? Я могу его убить, но, вдруг он кому-то из вас нужен? Он не истончает страх! Великое достижение для человека! – восклицая сказал Макар.

Чернобог подбежал к Антону, обнюхал его, выпучил глаза и отбежал на дальнейшее расстояние.

– Да, он слишком не истончает страх. Я бы даже сказал, совсем. Не, он мне не нужен. Наведет еще смуту в моем царстве, пушай Велес решает, – возмутился Чернобог, прячась среди мертвых экскурсантов.

– Я возьму его с собой. Мне необходимы такие души! – сказал Велес голосом волшебника, взвалив Антона себе на плечо, – Он действительно без страха, пушинка, такой

легкий, я его могу даже мизинчиком нести!

Чернобог помахал Макару и его команде рукой, уводя мертвых экскурсантов под землю.

– Я за столетие собрал много творчески одаренных людей, – нежно прошептал Велес, погладив голову Афрания, – Скоро ты пригодишься в своем прежнем облике!

– Что там с твоей командой? – спросил Велеса Макар, – Как долго еще нужно будет контролировать насилие и страхи людей?

– Еще чуть-чуть! – Велес взмыл под потолок, – К счастью, людей, которые поддерживают Семью и Творчество становится больше!

Велес исчез, и на глазах у Макара сотни бледных теней понесли в ладонках энергетику в Сосуды Семьи и Творчества. Последний раз, такой поток теней был несколько столетий назад. Макар даже прослезился, что пришлось сесть на лестнице, перед Идолом Вечности.

– Знаете, а ведь у нас трое живых, которые смогли выйти из завода другими, измененными! – сказал Макар, улыбаясь и рыдая от радости, – Прасковья, Ольга и Антонина сейчас их встретят! Самое лучшее, что могло случиться за последние сутки!

***

Прасковья, Ольга и Антонина петляли между огромных луж и руин Парового завода. Время было в районе часов десяти утра. Чистое небо, ни облачка! Солнышко приятно гре-

ет, лето же на дворе. Подойдя к Цеху №34, сестры громко завизжали, прижавшись друг к дружке. Длинный и жирный шлейф крови волнистой линией шел от Цеха №34 дальше, к выходу с завода. По окраинам шлейфа валялись куски человеческого мяса, чья-то одежда, цветные карандаши, мелки, игрушки. Возле крайнего к выходу цеха, шлейф круто уходил за угол. Сестры осторожно шли по краям, стараясь не наступать на кровь и мясо.

За углом, прислонившись к стенке, сидит красивая девушка, в сарафане, с роскошными и длинными кудрявыми волосами, округлым, приятным лицом и розочкой в руке. Вокруг девушки ютился Петрусечка, точнее, уже Петр, с тряпочкой, вытирая ступни дамы от крови и отдирая лишние жирные куски мяса.

– Все, Аделиночка, это последний! – сказал Петр, поцеловав свою жену в щечку.

Аделина встала, отряхнулась, долго крутилась по кругу. Вдруг, позади них раздался гул. Чья-то щупальца мелькнула в окнах неработающего корпуса завода.

– Спасибо тебе за помощь, друг! – радостно крикнул Петр, – Ты самый лучший!

Сестры подошли к Петру и Аделине, и, вместе, двинулись за пределы завода, к автобусу. Вокруг него крутились полицейские, врачи, пожарники. В небе барражировал вертолет МЧС. Возле машины скорой помощи, укутанная в простыню стоит Аня Покровская. Увидев трех сестер, а затем Пет-

ра и Аделину, Покровская широко и приятно улыбнулась. К героям побежали удивленные полицейские и врачи. Первые набросились с вопросами, вторые потащили оказывать первую медицинскую помощь. К автобусу подъехали первые журналисты, к вертолету МЧС присоединилась ватага квадрокоптеров блоггеров из Озерска.

– На заводе еще кто-то есть? – спросил полицейский Петра.

– Только мы, – загадочно ответил Петр, не сводя глаз с Аделины, – Моя жена и эти четыре очаровательных девушки.

10 июня – 12 июля 2017 года